

*А.А. Митрофанов, Н.В. Промыслов, Е.А. Прусская**

«РУССКАЯ УГРОЗА» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX В.

На протяжении Революции и эпохи Наполеона Франция и Россия не раз становились противниками на дипломатической арене и на поле боя, поэтому внимание к северному соседу во Франции не ослабевало в течение всего периода 1789–1814 гг. В эту эпоху сменявшие друг друга французские правительства активно использовали прессу для управления общественным мнением как внутри страны, так и в других государствах, поскольку франкоязычная пресса этого периода была одной из самых читаемых во всех уголках Европы. Данная статья основана на широком круге франкоязычных изданий периода 1789–1814 гг., включающих как парижскую прессу разной направленности, так и франкоязычные газеты соседних Франции государств, затем попавшие в сферу французского влияния. Концепция «русской угрозы», зародившаяся во французском общественном сознании в XVIII в., то оживала на страницах прессы в моменты напряженных отношений между двумя государствами, то исчезала – во время сближений и союзов (1800–1804 гг., 1807–1811 гг.). В основе «русской угрозы» на рубеже XVIII–XIX вв. лежали как устоявшиеся в литературе и философии представления о России, так и обширная памфлетная публицистика. В период дружбы Наполеона и Александра о России старались писать максимально нейтрально, но в кризисные моменты ее образ приобретал множество негативных черт и на страницах прессы непременно оживали архетипичные стереотипы о России и «русской угрозе».

Ключевые слова: французская пресса, Французская революция XVIII в., Наполеон, образ врага, пропаганда.

**Андрей Александрович Митрофанов, Николай Владимирович Промыслов, Евгения Александровна Прусская – кандидаты исторических наук, научные сотрудники лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» ИВИ РАН.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-01116).

На протяжении Революции и эпохи Наполеона Франция и Россия не раз становились противниками на дипломатической арене и на поле боя, поэтому внимание к северному соседу во Франции не ослабевало в течение всего периода 1789–1814 гг. Именно в эту эпоху возросла роль прессы как инструмента влияния на общественное мнение¹. В этот период происходило конституирование новой французской коллективной идентичности, и в этом процессе Россия сыграла важную роль. В последние десятилетия образ России, сложившийся в разных странах Европы в XVIII – начале XIX в., все более привлекает исследователей, при этом приоритетное внимание уделяется формированию представлений о России в исторической или общественно-публицистической литературе, а также дипломатических источниках². Периодическая печать до сих пор пользовалась заметно меньшим вниманием, хотя в конце XVIII – начале XIX в. она была важнейшим источником сведений о мире для широких слоев населения. Одновременно власть все больше старалась использовать прессу как инструмент воздействия на общественное мнение, в том числе в вопросах международных отношений. Между 1789–1814 гг. сменявшие друг друга французские правительства активно использовали прессу для управления общественным мнением как внутри страны, так и в других государствах, поскольку франкоязычная пресса этого периода была одной из самых читаемых во всех уголках Европы.

¹ См.: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003; *Malia M.* Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, 1999; *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*; *Belissa M.* La Russie mise en Lumières. Représentations et débats autour de la Russie dans la France du XVIIIe siècle. P., 2010. Общественное мнение в последней трети XVIII в. представляло собой фактор воздействия на идейную среду и на политическую жизнь. Оно являло собою не только «состояние умов», но и один из важных механизмов социального взаимодействия людей. Концепция «общественного мнения» была тесно связана с идеей о единстве политического тела нации, выразителем ценностей которой и служили наиболее известные авторы, обладавшие большим авторитетом в своей собственной профессиональной сфере и за ее пределами. Подробнее см.: *Baker K.M.* Au tribunal de l'opinion. Essai sur l'imaginaire politique au XVIIIe siècle. P., 1993.

² См., например: *Mohrenschildt D.S.* von. Russia in the intellectual life of eighteenth-century France. N.Y., 1936; *Anderson M. S.* Britain's Discovery of Russia, 1553–1815. L., 1958; *McNally R.* The Origins of Russophobia in France 1812–1830 // *American Slavic East and European Review*. 1958. 17, April. P. 173–189; *Lortholary A.* Les «Philosophes» du XVIIIe siècle et la Russie: Le mirage russe en France au XVIIIe siècle. P., 1951; *Мезин С.А.* Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // *ВИ*. 2002. № 10. С. 150–155; *Вульф Л.* Указ. соч.

Настоящая статья основана на широком круге франкоязычных изданий периода 1789–1814 гг., включающих как парижскую прессу разной направленности (газеты *Moniteur*, *Journal des Débats* (с 1805 г. *Journal de l'Empire*), *Gazette de France*, *Journal de Paris*, *Mercure de France*, *Journal des hommes libres*, *Journal de la Montagne*, *Journal du soir de politique et de littérature de la rue de Chartres u m.д.*), так и франкоязычные газеты соседних с Францией государств, затем попавших в сферу французского влияния (*Gazette de Leyde*, *Journal de Francfort* (с 1811 г. – *Gazette du Grand-duché de Francfort*).

Формирование идеи «русской угрозы» в XVIII в.

Представления о русской армии как потенциально могущественном противнике возникают во французском общественном сознании в самом начале XVIII в. после ярких и во многом неожиданных побед Петра I над шведскими войсками. Эти победы нанесли значительный удар по традиционной для Франции схеме внешнеполитических союзов. К тому моменту Швеция, Речь Посполитая и Османская империя уже более ста лет рассматривались французской дипломатией в качестве важных внешнеполитических союзников. Изначально этот «восточный барьер» был ориентирован против Габсбургов, и потому появление на мировой арене нового сильного игрока, вступившего в борьбу с французскими союзниками, обеспокоило версальский двор. Эти перемены привели к распространению в европейской общественной мысли идеи «русской угрозы», которая была сформулирована сторонниками Швеции при версальском дворе еще в ходе Северной войны, а в дальнейшем поддерживалась французской дипломатией на протяжении почти всего XVIII в.³ Победы русской армии в ходе Северной войны показали ее силу, и потому у европейских политиков возникла необходимость получить как можно больше информации о ней. В XVIII в. европейские ученые, литераторы и публицисты немало внимания уделили российским вооруженным силам, которые, на их взгляд, олицетворяли собой угрозу со стороны ранее малоизвестного государства.

На протяжении большей части XVIII в. в противовес концепции «русской угрозы», которую развивали преимущественно дипломаты и министры французского двора, ряд философов и литераторов начал превозносить достоинства русской монархии, чем положил начало

³ См.: Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995.

формированию так называемого «русского миража», весьма популярного в середине – второй половине XVIII столетия⁴. Заметную роль в борьбе этих философско-политических концепций играла набиравшая тогда популярность пресса. Так, в период Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., как только стало очевидным превосходство русских, маркиз Э.Ф. Шуазель попытался преуменьшить в глазах общества успехи России. Для этого глава французской внешней политики поставлял в *Gazette de France* и другие печатные издания откровенную дезинформацию о положении дел на фронтах Русско-турецкой войны. Русский поверенный в делах во Франции Н.К. Хотинский замечал в июне 1769 г., что «парижские газеты с бесчинством пристрастие свое оказывают к туркам», и делал французскому министру соответствующие представления⁵.

Накануне заключения Кучук-Кайнарджийского мира летом 1774 г. теперь уже князь И.С. Бярятинский сообщал в Петербург о том, что *Gazette de France* продолжала давать искаженную информацию о ходе военных действий. На ее страницах трудно было вообще найти упоминания об успехах русской армии и флота. И даже спустя 2 месяца после заключения мирного договора между Турцией и Россией Париж наводняли слухи об успешной высадке турецкого десанта в Крыму, якобы разбившего находившуюся там армию князя Долгорукова. Источником их были французские дипломаты⁶. Таким образом, уже в 1760–1770-х гг. благодаря тесной связи с дипломатическим ведомством парижские газеты выступали своего рода орудием внешней политики.

В последней четверти XVIII в. Европа столкнулась с изменением системы международных отношений и новой ролью, которую после первого раздела Польши приобрела Россия. В обществе доминировало представление о России как о державе, чье господство на «Севере» представляло определенную угрозу для европейского «Юга». Российская империя продолжала расти и вступала в новые военные конфликты, в том числе в Европе. К концу 1780-х «русский мираж» заметно померк, и во французском обществе все большую популярность при-

⁴ Подробнее см. *Lortholary A.* Op. cit.

⁵ Черкасов П.П. Франция и Русско-турецкая война 1768–1774 гг. // НиНИ. 1996. № 1. С. 65.

⁶ Там же. С. 74.

обретало критическое отношение к Российской империи в целом. Даже заключение русско-французского торгового договора 1786 г. не перееломило этих настроений. Однако и идея непосредственной угрозы для Франции со стороны империи царей сохраняла совершенно мифический характер. Пространством же наиболее жарких столкновений внешнеполитических интересов Франции и России оставалась Речь Посполитая, переживавшая самые тяжелые годы в своей истории. И все же мало кто мог накануне 1789 г. всерьез предположить, что в недалеком будущем вторжение русской армии на территорию Франции приобретет реальные очертания.

Развитие концепции «русской угрозы» в годы Революции

С началом Революции на страницах французской прессы внешнеполитические темы заметно отходят на второй план по сравнению с событиями во внутренней жизни Франции. При общем падении популярности внешнеполитических сюжетов Россия сохраняла прежний уровень значимости в описаниях прессы по сравнению с другими европейскими державами. Образ России не имел четкой структуры и представляя собой скорее набор клише о далекой полуварварской стране с суровым климатом, в которой правит самодержавный деспот, мечтающий о новых завоеваниях. Однако в период Революции изменились условия применения этого образа. Из дипломатической практики и философских дискуссий устоявшиеся представления перетекали в новое политическое публичное пространство, сформировавшееся к 1789 г., где становились основой массовых стереотипов.

Сообщения с театров военных действий Русско-шведской и Русско-турецкой кампаний появлялись в парижской прессе регулярно. Изображение русской армии в прессе 1789–1791 гг. не поднималось выше уровня клише: помимо краткого описания воинских частей газеты ограничивались указанием на то, что русское войско будет состоять не только из россиян, но еще из «ужасных» татар и казаков⁷. Большой

⁷ *Moniteur*. № 115. 1792. 24 avril. Более подробные сведения о русской армии в газетах редки. Например, со ссылкой на дипломатическую корреспонденцию *Moniteur* печатала сведения о вооружениях России, в частности, о состоянии русского флота в трех северных портах (Архангельске, Кронштадте и Ревеле). – *Moniteur*. № 211. 1792. 29 juillet.

интерес у журналистов вызывали рекрутские наборы, чрезвычайные происшествия, эпидемии или голод в армии.

Неослабевающий интерес к Русско-турецкой войне во французском обществе объяснялся целым комплексом причин. В общественном мнении XVIII в. существовало представление о том, что российская культура многое переняла от своих азиатских соседей. Неудивительно, что Россию и Османскую империю часто рассматривали в сравнении. Если французские философы приписывали России цивилизующую роль по отношению к мусульманским народам Юга и видели в ней передовой бастион Европы против исходившей из Азии угрозы⁸, то французское правительство, напротив, считало Порту важней частью «восточного барьера», препятствующего продвижению России в Европу, и в споре двух империй оказывало поддержку Стамбулу⁹.

На протяжении 1789–1791 гг. обсуждение в прессе военного потенциала России постепенно принимает все более острое внешнеполитическое звучание. По мере того как меняется отношение европейских монархий к Революции, все явственнее возникает угроза войны между Францией и создаваемой коалицией европейских государств, и в связи с этим внимание к позиции России все возрастает. Связан с этим и вопрос о поддержке российским двором инициатив французских эмигрантов, а также тех, кто воевал в составе русских армий против султана¹⁰. Поэтому пресса первых лет Революции, как правило, также оказывалась на стороне турок, поскольку угроза, исходившая от России и выступавшей с ней в союзе Австрией по отношению к революционной Франции была очевидна, тогда как опасность войны против Порты едва ли кто-то мог рассматривать всерьез¹¹.

В 1791 г. в *Moniteur* все чаще звучало мнение о том, что войны с турками и шведами подорвали финансовое положение России. Рассказывая о празднествах в Петербурге, посвященных доставке трофеев, автор статьи замечал, что нынешняя война стоила России более 200 000

⁸ См.: Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 117–119.

⁹ Подробнее см.: Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. Гл. 8; Он же. Екатерина II и Людовик XVI. М., 2004. Гл. 6.

¹⁰ В 1791 г. *Moniteur* особо отмечал французских офицеров, воевавших в составе русской армии с турками. Речь шла о Ришелье, Дама и Ланжероне. См.: *Moniteur*. № 126. 1791. 06 mai.

¹¹ *Moniteur*. № 127. 1789. 27 décembre.

человек и значительных средств¹². Помимо падения обменного курса рубля, пресса констатировала осложнение отношений петербургского кабинета с европейскими кредиторами, подчеркивая, что без дополнительных субсидий невозможно вести войну на два фронта и содержать сразу две действующие армии и два флота¹³. Огромный государственный долг России увеличивается по мере дальнейшего ведения войн, подчеркивала газета: с 1786 г., государственным заемным банком, в который дворяне могли закладывать имения, роздано займов на 30 млн рублей, что вынуждало увеличивать количество бумажных денег в обращении¹⁴. Россия в освещении французской газеты представлялась военной державой, чьи интересы простираются далеко за пределы европейских владений Османской империи, но финансовое положение которой далеко не блестяще.

Война России со Швецией 1788–1790 гг. находила лишь фрагментарное отражение на страницах *Moniteur*. Как правило, о событиях на русско-шведском фронте сообщалось сухо и кратко, со ссылкой на сведения из Стокгольма. Принимая во внимание цензуру, установленную шведским королем в отношении новостей с фронта¹⁵, информация о реальном положении дел часто поступала в Париж окольными путями: из голландских или немецких газет или из дипломатической переписки.

Не приносившая шведам успеха война с Россией, инициатором которой являлся Густав III, серьезно осложнила состояние шведских финансов. Газета *Moniteur* обращала внимание на то, что колебания денежного курса в королевстве стали причиной беспорядка на шведской бирже и недовольства коммерсантов¹⁶. О поражениях шведов летом 1790 г. журналисты *Moniteur* писали со ссылкой на газеты Гамбурга¹⁷. Зато регулярно поступающие шведские репортажи даже о самых незначительных победах над русскими публиковались практически целиком¹⁸. Известный публицист С.-Н.-А. Ленге в *Annales politiques, civiles et littéraires* приветствовал поражения русского оружия и с большим сочувствием относился к шведам. Король Густав III, одерживающий по-

¹² *Moniteur*. № 34. 1791. 03 fevrier.

¹³ *Moniteur*. № 23. 1790. 23 janvier.

¹⁴ *Moniteur*. № 143. 1790. 25 mai.

¹⁵ См. об этом подробнее: *Boberg S. Kunglig krigspropaganda. Goteborg, 1967.*

¹⁶ *Moniteur*. № 69. 1790. 10 mars.

¹⁷ *Moniteur*. № 181. 1790. 30 juin.

¹⁸ *Moniteur*. № 154. 1790. 03 juin.

беды над «московитским флотом», представал в этом издании в образе подлинного исполнителя «небесных законов». Ленге задавался вопросом: что предпримет Густав после одержанной им победы на море? Ради спокойствия Европы, полагал журналист, было бы желательно, чтобы шведы смогли двинуться на Петербург и тем самым умерить честолюбие и надменность русских, обезопасив от них континент¹⁹. Тенденциозность в освещении Русско-шведской войны и проявившийся страх перед Россией в данном случае не были связаны с революционными событиями, а отражали некоторые из расхожих стереотипов. На этом фоне довольно необычным выглядело появление в двух июньских номерах *Moniteur* полного текста циркулярного письма российского вице-канцлера И.А. Остермана от 12 марта 1790 г., адресованного послан России при иностранных дворах²⁰. Остерман разъяснял российским дипломатам позицию относительно войн с Османской империей и Швецией и приводил на этот счет многочисленные исторические примеры. Журналист из *Moniteur* обрушивался на Остермана, чьи аргументы «ложные, лукавые и иллюзорные... не могут избежать прозорливого взгляда политиков». По мнению корреспондента, «беспристрастные газеты в точной и верной манере уже рассказывают обо всех амбициозных проектах императрицы и распутывают цепь ее тайных и непрерывных интриг против соседей, особенно против шведов, поляков и османов. Кто не знает о последних деяниях этой государыни в Швеции и об одиозных средствах, что используют ее министры, дабы посеять здесь повсеместные беспорядки и раздоры... Все призывают теперь шведского короля... решительно воспрепятствовать реализации коварных планов кабинета Петербурга»²¹.

По завершении Русско-шведской войны французская пресса продолжала трактовать события на севере Европы в невыгодном для России свете: «Россия привыкла рассматривать все государства Европы, что ее окружают, как своих вассалов и, кажется, составила план, который заставил вспомнить шведов об их старинных правах. Она надеялась занять короля Швеции делами у него дома, тогда как сама она

¹⁹ Lortholary A. Op. cit. P. 264.

²⁰ *Moniteur*: № 178. 1790. 02 juin; № 179. 1790. 28 juin.

²¹ *Moniteur*: № 205. 1790. 24 juillet. Под «коварными планами» Екатерины II здесь могли подразумевать готовившееся мирное соглашение между Стокгольмом и Петербургом. Заключенное в начале августа 1790 г. Верельское мирное соглашение между Россией и Швецией лишило Османскую империю союзника на Севере.

будет занята войной с турками»²². Однако с усилением опасности возникновения антифранцузской коалиции отношение революционной печати к шведскому королю также изменилось на негативное, ведь он был одним из активных сторонников создания такой коалиции и даже намеревался возглавить объединенные войска в походе против Франции. Теперь ему в Париже пророчили судьбу Карла XII, ибо, помогая эмигрантам, он рисковал «найти свою Полтаву или Фридрихсхалль»²³.

Ухудшение франко-российских отношений, меры, предпринимаемые царским кабинетом против французов, придавали дополнительный вес теме военной опасности, исходящей от России. На рубеже 1791 и 1792 гг. в прессе появился и надолго закрепился слух о вторжении «северных варваров». Основанием для этого страха послужили как скептические оценки процесса цивилизации в России, так и реальные свидетельства ее увеличившейся военной мощи, зримым доказательством которой служили победы русских войск над традиционными союзниками Франции – Османской империей и Швецией.

С началом в 1792 г. войны между Францией и европейскими монархиями тема возможной помощи Екатерины эмигрантам и антифранцузской коалиции начинает активно муссироваться в парижских газетах. Писали, что Россия обещает «помощь французским принцам в виде [войска из] 20 000 русских и татар; их переправят так быстро, как только это позволит сделать погода. Эмигранты лгутся радостью и удовольствием, ожидая этих ужасных воинов с таким же нетерпением, с каким бедные иудеи ожидают своего Мессию»²⁴. В июле 1792 г. *Moniteur* привел письмо из Петербурга, где утверждалось, что 15 000 русских после наведения порядка в Польше двинутся во Францию, дабы помочь делу контрреволюции. Там же было опубликовано «Сообщение относительно вооружения России, извлеченное из депеш поверенного в делах Франции в Петербурге, представленных Национальному собранию» Эдмона Жене, рассказывающее о военных приготовлениях России, в частности, о состоянии русского флота в Архангельске, Кронштадте и Ревеле²⁵.

Весной и летом 1792 г., под влиянием политических событий менялся тон даже умеренной *Gazette de France*. Письма из Польши ста-

²² *Moniteur*. № 395. 1791. 25 décembre.

²³ *Ibid.* Фридрихсхалль – крепость в Норвегии, при осаде которой 1 декабря 1718 г. был убит король Швеции Карл XII.

²⁴ *Moniteur*. № 115. 1792. 24 avril.

²⁵ *Moniteur*. № 211. 1792. 29 juillet.

вили под сомнение возможность участия русских в кампании против Франции: «Из армии князя Понятовского <...> Сообщают, что русская армия, возвратившись из Турции, находится в жалком состоянии. Кажется, что русские генералы, в течение многих лет удаленные от своих домов, лишённые чувства страха и повиновения, истратили в дебошах и играх все средства, предназначенные для войск, они посылали солдат добывать питание у крестьян Валахии и Молдавии, позволили превратиться униформе в лохмотья, а краденными лошадьми заменяют тех, которых лишились из-за падежа и вражеского оружия»²⁶. Такие описания призваны были смягчить страхи французского общества перед угрозой военного вторжения «северных варваров». Отметим, что авторы подобных сообщений для большего правдоподобия всегда ссылались на наблюдения очевидцев.

Окончательный разрыв дипломатических отношений между Россией и Францией в июле 1792 г. оказал заметное влияние на французское общественное мнение. С каждым новым известием о действиях коалиции взгляды обращались в сторону российской столицы: именно Екатерина II считалась ее активной вдохновительницей. И хотя слабеющий свет «русского миража» эпохи Просвещения еще находил время от времени отражение в публицистике, а некоторые авторы продолжали считать Екатерину II преемницей и продолжательницей планов Петра Великого²⁷, образ далекой империи, поднятой до высот цивилизации «Семирамидой Севера», неуклонно терял былую привлекательность.

Поворот, на который необходимо обратить внимание, происходил в сфере восприятия «русского варварства». Если раньше варварство считали причиной слабости русской армии, то теперь в нем же усматривали причину военных успехов. «Народ тем более опасный, что закаленный варварством и дисциплинированный игом рабства, он более годится для завоеваний и опустошений, чем для войн оборонительных, нечувствительный к смерти и несчастью»²⁸, – сообщал о русских анонимный французский публицист. Страхи и опасения перед «русской угрозой» в 1792 г. чаще всего находили выражение в предсказаниях о нашествии новых «кочевых варваров с Севера».

²⁶ *Gazette de France*. № 99. 1792. 4 juillet.

²⁷ См., например: [*Chantreau P.-N.*] *Voyage philosophique, politique et litteraire, fait en Russie pendant les années 1788 et 1789*. P., 1794. T. 1. P. 279.

²⁸ *Blanc S.* *Histoire d'une fobie: le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique*. 1968. Vol. 9. № 3–4. P. 281–282.

На страницах французских газет даже после заключения в 1791 г. Ясского мирного договора постоянно обсуждалась возможность новой русско-турецкой войны. Эта тематика была важна как из-за традиционных симпатий французских дипломатов по отношению к Порте, так и потому, что потенциальная война с Россией должна была помешать ей принять активное участие в войне против революционной Франции. По уверениям газет, и после 1791 г. Россия продолжала готовиться к новой войне против османов. *Moniteur* передавал слухи относительно завоевательных планов Екатерины II. Она якобы заставила армию двигаться к османским рубежам и одновременно тщательно готовила к войне свои порты. Далее сообщалось, что Англия обещала свою поддержку грандиозным планам России: «Настало наконец время, чтобы Европа уяснила для себя суть намерений двух дворов [Лондона и Петербурга], дворов, представляющих наибольшую опасность для независимости других наций»²⁹. Издания самых разных политических направлений стремились поддержать Османскую империю. На страницах якобинской *Journal des hommes libres* она приобретала отчетливые черты антипода России и бастиона на пути «деспотизма», а султан наделялся чертами просвещенного европейского монарха³⁰.

Тема военной угрозы со стороны России привлекала внимание журналистов на протяжении 1792–1794 гг. Слухи о скором вступлении России в войну против Франции стали распространяться особенно активно с середины 1792 г., когда из Петербурга был выслан поверенный в делах Франции Э. Жене и прямой канал информации из России был прерван. А в военной обстановке первой половины 1793 г., когда состояние французской армии было тяжелым, любые сообщения о планах антифранцузской коалиции читались с особым вниманием. *Moniteur* сообщал о надвигающейся русской армии во главе с А.В. Суворовым³¹. В то же время *Journal du soir* писал о неких письмах из Петербурга, в которых утверждалось, что Россия не будет принимать прямого участия в войне с Францией. Причиной тому стали приготовления к вой-

²⁹ *Moniteur*. № 238. 22 floréal, an III (1795. 17 mai).

³⁰ *Journal des hommes libres de tous les pays ou le Républicain*. № 387. 3 frimaire, an II (1793. 23 novembre).

³¹ «Настаивают, что нет никаких сомнений в том, что двадцать пять тысяч человек русских направляются к Рейну. Их путь пройдет, как говорят, через Богемию и Австрийскую Силезию, их поведет генерал Суворов». – *Moniteur*. № 25. 1793. 25 janvier.

не в Турции и ситуация в Швеции. Коалиция не должна рассчитывать на давно обещанную царицей помощь, а все, что пишут немецкие газеты о передвижениях русских войск, «есть не что иное, как ложь, оплаченная по два крейцера за строчку секретарями и советниками посольства, которые с помощью этих проделок желают вызвать у французов серьезное беспокойство»³².

Соперничество России с Османской империей считалось французами сюжетом, представляющим первостепенный интерес с точки зрения баланса сил в Европе. Только новое обострение польского кризиса в начале 1790-х гг. смогло отодвинуть в общественном сознании турецкий вопрос на второй план. Развитие польской темы давало публицистам возможность выразить свое отношение к России³³. Польша, как и двадцатью годами ранее для Руссо, Мабли и Рюльера, представляла собой удобный повод для изречения суждений как о жизни во Франции, так и о жизни в «деспотической» России, своеобразном антипode «свободолюбивой» Польши³⁴.

Газеты, спонсируемые монтаньярами, акцентировали внимание на массовости восстания в Польше, сравнивая его с революционными событиями во Франции, и даже намекали на возможность поддержки этого выступления со стороны других держав³⁵.

Пресса революционной Франции в 1793–1794 гг. оказалась в полной зависимости от мнений монтаньярских вождей. Решающее воздействие на общественное мнение оказала программная речь Робеспьера от 17 ноября 1793 г. о внешней политике. «Политика России властно определяется самой природой вещей, – утверждал он. – Эта страна представляет собой соединение жесткости диких орд и пороков цивилизованных народов. Правительство и знать России обладают большой властью и большими богатствами. У них есть вкус, понятие и стремление к роскоши, к искусству Европы, а правят они в суровом климате. Они испытывают потребность в том, чтобы им служили и их восхваляли афиняне, а имеют они подданными татар. Этот контраст в их положении заставил их обратиться к торговле, для приобретения предметов роскоши и искусства, к завоеванию соседних с ними пло-

³² *Journal du soir de politique et de littérature de la rue de Chartres*. № 146. 1793. 14 février.

³³ См.: например: *Garran-Coulon J.-Ph. Recherches politiques sur l'état ancien et moderne de la Pologne appliquées a sa dernière révolution*. P., 1795.

³⁴ См.: *Вульф Л.* Указ. соч. С. 351 и далее.

³⁵ *Journal de la Montagne*. № 12. 19 floréal, an IV (1795. 8 mai).

дородных земель на западе и юге. Петербургский двор стремится эмигрировать из печальных мест, в которых он обитает, в европейскую Турцию и в Польшу, так же как наши иезуиты и наши аристократы эмигрировали из теплого климата Франции в Россию»³⁶. Конечные цели политики русской императрицы, по мнению Робеспьера, грандиозны: «Она много способствовала созданию лиги королей, воюющих с нами, и она одна получает от этого пользу. В то время, когда соперничающие державы разбились о скалу Французской республики, императрица России приберегает свои силы и собирает средства, она с тайной радостью посматривает, с одной стороны, на обширные территории, подвластные оттоманскому господству, и с другой – на Польшу и Германию; и везде она видит легко осуществимые узурпации, или быстрые завоевания. Ей кажется близким момент, когда ее воля станет законом для Европы, по крайней мере, для Пруссии и Австрии, а при разделе земель, к участию в котором она примет двух компаньонов ее высочайших грабежей, кто помешает ей безнаказанно взять себе львиную долю?»³⁷

При освещении восстания в Варшаве 6 (17) апреля 1794 г. журналисты нередко ссылались на слухи или объявляли себя их очевидцами. *Journal de la Montagne* подчеркивала крайнюю жестокость восставших по отношению к русским солдатам, но оставалась на пропольских позициях, сообщая, что гибели избежали только те из солдат, кто смог сбежать из города с генералом Игельстрёмом³⁸. Позднее газета сообщала о том, что перебит был весь русский гарнизон, и, ожидая мести русских, польская столица, словно Париж в июле 1789 г., готовилась к решающим битвам за свободу³⁹. Журналисты предрекали Польше повторение французского пути, а России отводили роль душительницы польской вольности. Несколько позднее, в брюмере III года, газета *Journal de la Montagne* приветствовала успехи восстания, огонь которого перебросился в Курляндию и докатился до границ Ливонии⁴⁰. После третьего раздела Польши *Moniteur* давал весьма резкую характеристику политике Екатерины в польском вопросе: «Русские достигли высшей степени наглости, присущей тиранам. Не удовлетворившись тем, что

³⁶ Робеспьер М. Избранные произведения. М., 1965. Т. 3. С. 64–65.

³⁷ Там же.

³⁸ *Journal de la Montagne*. № 22. 29 floréal, an II (1794. 8 mai).

³⁹ *Journal de la Montagne*. № 34. 11 prairial, an II (1794. 13 mai).

⁴⁰ *Journal de la Montagne*. № 16. 9 brumaire, an III (1794. 29 novembre).

унизили нацию, разрушили военные силы, заключили в тюрьмы или отправили в Сибирь самых честных и храбрых поляков, они теперь заняты тем, что по частям расхищают эту несчастную страну»⁴¹.

Девятое термидора ознаменовало окончание наиболее утопической и жесткой фазы Революции. Последствия Термидора, разработка новой конституции, переход власти к Директории – все эти изменения во внутрисполитической жизни оказали влияние и на внешнюю политику Франции. Печать термидорианского периода пестрит статьями о России, а в Конвенте наметилась острая полемика по международным проблемам⁴².

Отношение термидорианских лидеров к Российской империи определялось в первую очередь новыми дипломатическими задачами. Весной 1795 г., накануне заключения мирного договора с Пруссией, не прекращались споры о роли России в создании нового политического ландшафта. Успехи Парижа в переговорах (в апреле 1795 г. был подписан мир с Пруссией, в мае – с Голландией, в июле – с Испанией) не слишком изменили отношение к России. Более того, перемены во внешней политике породили на страницах газет и новые фобии. *Moniteur* публиковал новость, со ссылкой на письмо из Туруни, о возможном разрыве между Россией и Пруссией: «Многие новые сообщения заставляют предполагать скорым и неизбежным разрыв между Пруссией и Россией. Это будет война или повод к ее началу... Уже распространился слух о нескольких военных столкновениях между этими двумя державами»⁴³.

Негативное отношение к внешней политике русского кабинета, характерное для жирондистов и монтаньяров, сохранялось в термидорианской прессе. Идея исходящей от России опасности, которая циркулировала в дипломатических кулуарах, получила широкое распространение в обществе и стала одним из инструментов внешнеполитической пропаганды, становившейся все более прагматичной: революционные лозунги сохранялись, но только в качестве драпировки новых интересов Франции, связанных с военно-дипломатическими успехами 1794–1795 гг.

Образ агрессивной России подпитывался все новыми известиями с Востока. Буасси д'Англа с трибуны Национального Конвента напо-

⁴¹ *Moniteur*. № 232. 22 floréal, an III (1795. 11 mai).

⁴² См.: *Сопель А.* Французская революция и Европа. СПб., 1892–1906. Т. 4. Естественные границы. С. 127 и далее. См. об идеологии термидорианцев: *Бачко Б.* Как выйти из Террора? М., 2006. С. 292.

⁴³ *Moniteur*. № 297. 27 messidor III (1795. 5 juillet).

минал о завоеваниях России и призывал все нации Европы сплотиться против союза России и Британии, объединить усилия для борьбы с «наследниками Аттилы»: «Я знаю, мне могут обоснованно возразить, что Российская империя – это колосс на глиняных ногах, что порочность разъедает ее, что рабство лишает ее всякой энергии и движущих сил, что она огромна, но большую часть ее составляют пустыни, и при таких размерах ею очень трудно управлять; что, расширяясь, она тем самым готовит свое падение, и что каждое ее завоевание – это шаг к катастрофе. Я соглашусь со всем этим, но помните: этот гигант, прежде чем самому погибнуть, раздавит и вас! И падет на ваши останки, он не будет расчленен прежде, чем вы будете разорены, рассеяны и раздавлены. Датчане, шведы, немцы, пруссаки, османы, подумайте: время летит, и удар будет ужасен, собирается бурный московитский поток! Аттила приближается во второй раз, и вы погубите себя, если не объединитесь, пока еще есть время на то, чтобы остановить этот опустошающий бич!»⁴⁴ Призывы лидеров Конвента быстро подхватывались газетами, благодаря чему тиражировались на всем пространстве, где распространялась и читалась франкоязычная пресса⁴⁵.

Газета *Moniteur* подробно сообщала о планах России относительно Грузии и Персии. Рассказывая о поддержке, которую императрица намерена была оказать грузинскому царю Ираклию II, покинувшему родину из-за вторжения персов, газета отмечала, что хитрая Екатерина больше заботилась о благе своей страны, нежели о судьбе грузинского владыки⁴⁶. Спустя буквально две недели газета развивала тему: «Экспедиция, планируемая русскими против персидского захватчика в Грузии, на самом деле не более чем предлог, подходящий случай для того, чтобы реализовать замысел с далекими перспективами, направленный против столицы турецкой империи». В подтверждение этому сообщалось, что русские полки, покидая Польшу, направляются вовсе не в сто-

⁴⁴ *Moniteur*. № 133. 13 pluviöse, an III (1795. 1 février).

⁴⁵ Данная речь Буасси д'Англа не только публиковалась отдельной брошюрой, но и вызвала полемическую реакцию: *Épître du vieux cosmopolite Syrach a la Convention Nationale de France contenant l'examen du discours prononcé a la séance du 2 pluviöse de l'an III par citoyen Boissy d'Anglas. En Sarmatie, 1795*; *Mowa o polozeniu politycznym Europy, miana przez Boissy d'Anglas na sessyji konwencyi narodowej. Dnia 6 fructidoru. Roku III R.F. S.l., 1795.*

⁴⁶ *Moniteur*: № 100. 10 nivöse, an IV (1795. 31 décembre). Речь идет о вторжении персидского военачальника Ага-Мохаммед-хана в Грузию, произошедшем осенью 1795 г., в ходе которого был захвачен и разграблен Тбилиси. На самом деле командование русской армией, направлявшейся в Закавказье, было доверено генералу В. Зубову, а не Суворову.

рону Персии, а в Крым и Молдавию⁴⁷. В январе 1796 г. из Петербурга сообщали о том, что вооружается значительная русская эскадра, две русские армии общей численностью около 200 тыс. человек собираются на границах Турции, в то же время еще одна армия движется к Грузии и еще одна находится на шведской границе. Такая демонстрация российской военной мощи заставляла задуматься: «Каковы же планы Екатерины? До каких же пределов простирается ее непомерное честолюбие? Вся Европа об этом знает и вся эта ослепленная Европа ей никак не сопротивляется...», – с досадой заключал корреспондент *Moniteur*⁴⁸. Цитируемый пассаж из статьи в *Moniteur* не был случайным мнением рядового редактора. Как и во множестве других случаев, он был частью памфлета, написанного чиновником министерства внешних сношений Французской республики неким Гиродом и, следовательно, отражал мнение Директории⁴⁹.

Смерть Екатерины II совпала по времени с очередным ухудшением француско-российских отношений. Новый «восточный барьер», идея которого витала в дипломатических кругах при Директории, должен был возводиться против России, призванный защитить цивилизованную Европу от «наводнения варварами». По мысли творцов этой концепции, Франция должна окружить себя державами, способными удерживать в своих пределах поток, который угрожает разлиться по Европе, сдерживать рост Российской империи, которая неизбежно должна погибнуть из-за своего собственного расширения, но останки которой могут «раздавить Европу»⁵⁰. Вступление же России в открытое военное противостояние с Францией позволило без оговорок включить ее наряду с Австрией и Англией в число «непримиримых врагов республики».

В период Египетской экспедиции Бонапарта, летом 1799 г., художник и политик Жак-Луи Давид в обширной статье в *Moniteur* «О возможном завоевании Османской империи Бонапартом», обсуждая тему расчленения Порты и русской экспансии в Европу, выражал надежду на то, что Бонапарт продолжит свой поход и двинется прямо на Константинополь, чтобы, захватив древний восточный город, «повергнуть в ужас» Вену и Петербург. Это позволило бы разрушить планы господства России на

⁴⁷ *Moniteur*. № 111. 21 nivôse, an IV. (1796. 11 janvier).

⁴⁸ *Moniteur*. № 121. 1 pluviôse, an IV (1796. 21 janvier).

⁴⁹ *Memoire sur la Russie par le citoyen Guiraudet (décembre 1796)* // Archives Ministère des Affaires étrangères (далее – ААЕ). Mémoires et documents. Russie. T. XXXV. F. 101–106.

⁵⁰ *Rapport de Talleyrand du 2 floréal an VII (1799. 21 avril) sur les propositions du c-en Gutin* // ААЕ. Mémoires et documents. Russie. T. 31. Doc. 53. F. 388 v.

Босфоре и оживить очаги сопротивления деспотизму на севере и юге Европы. Особые надежды автор статьи возлагал на Польшу: «Кто знает, возможно, и Польша, увидев реюющие стяги свободы, опять поднимет знамя восстания против тиранов?»⁵¹

Пока парижские газеты соперничали в описаниях коварных завоевательных планов русского царя, якобы мечтавшего подчинить своей власти лучшие земли Европы, влияние России существенно возросло не только на суше, но и на море. Из Петербурга, Неаполя, Триеста, Венеции во франкоязычные газеты Голландии и Германии регулярно поступали известия о победах русского и русско-турецкого флота, а после взятия Корфу – и о первых шагах Республики семи островов. Следуя тексту официальных русских газет и с приведением цитат из них, сообщалось о взятии греческих островов Зант и Кефалония⁵². О героическом штурме русско-турецкой эскадрой французских укреплений на о. Кефалония и о. Санто-Мауро беспристрастно с сухим перечислением числа погибших, раненых и взятых трофеев рассказывала лейденская газета⁵³. В целом, Средиземноморская экспедиция Ф.Ф. Ушакова не менее, чем Итальянский и Швейцарский походы Суворова, привлекали внимание французской прессы и послужили доказательством наличия у России планов по продвижению в Европу.

В атмосфере политических, социальных потрясений и военных конфликтов прогрессистский миф о России, прочно связанный во французском сознании с мифом о фигуре, олицетворявшей его, – Петре I, обернулся своей противоположностью. В условиях противостояния между Францией и монархической Европой появился текст, впоследствии получивший название «Завещание Петра Великого», – новый миф, отразивший чувства вражды и страха перед «угрозой с Севера». Документ был создан в среде польских эмигрантов в последние годы XVIII в.,⁵⁴ и хотя полностью его опубликовал Ш. Лезюр

⁵¹ *Moniteur*. № 279. 9 messidor, an VII (1799 27 juin).

⁵² *Gazette de Leyde*. № XIV. Supplement. 1799. 15 février.

⁵³ *Ibid.*

⁵⁴ Историю создания «Завещания» см. в: *Борисовский Б.* Водевиль с подлогом // История. Научно-популярные очерки. М., 1985; *Данилова Е. Н.* «Завещание» Петра Великого // Труды Историко-архивного института. 1946. Т. 2. С. 203–270; *Козлов В. П.* Тайны фальсификации. М., 1994. С. 77–89; *Мезин С.А.* Взгляд из Европы... С. 171 (и далее); *Павленко Н.И.* Три так называемых завещания Петра I // ВИ. 1979. № 2. С. 142–143; *Сироткин В. Г.* Наполеоновская война перьев против России // НиНИ. 1981. № 1. С. 143–144; *Яковлев Н.* О так называемом «завещании» Петра Великого // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 130; *Sokolnicki M.* Le Testament de Pierre le Grand (Origines d'un pré-

только в 1812 г.,⁵⁵ в нем отразились представления о «русской угрозе», распространенные во Франции именно на рубеже XVIII – XIX вв.

В общественном сознании 1799 г. доминировали стереотипы «полуварварской» России, грозящей вот-вот выплеснуть свои «орды» на плодородные земли Европы. В период Итальянского и Швейцарского походов австро-русских войск вчерашние размышления дипломатов обрели форму пропагандистских клише. Россия оставалась для французов не только «воображаемой» но и, в целом, «чужой» страной⁵⁶. С самого начала военной кампании 1799 г. французская пресса описывала продвижение войск коалиции как повторение древних варварских нашествий на Европу. Генерал Бернадот в воззвании к народу Германии, опубликованном в Мангейме, призвал объединиться для борьбы с общим врагом: «Присоединяйтесь к нам, немцы, поднимайтесь на бой с Австрией, поднимайтесь на бой с северными варварами, которые хотят наводнить вашу территорию»⁵⁷.

Депутат М.-Ж. Шенье обратил свой гнев против коварной политики Австрии и примкнувшей к ней России, подчеркивая внутренние противоречия «нелепой» коалиции: «...О, чудовищная война! Позор и бесчестье нашего философического века! Нелепая коалиция нескольких тиранов, столь известных своим безумием! Англия, превозносящая свой дух свободы, поднимается за дело деспотизма, наследник Магомета – за восстановление христианской веры, а император, исповедующий православие, провозгласил себя великим магистром католического ордена и хочет способствовать процветанию папского трона! Глупый осман шагает под одними знаменами со своими непримиримыми врагами, он забыл о своих сожженных флотах, своих некогда густонаселенных городах, разрушенных и утопленных в крови русскими, жаждущими резни, о намерениях московитов, которые уже около ста лет угрожают стенам, построенным Константином!»⁵⁸

tendu document historique) // *Revue de sciences politiques*. 1912. Т. 27. № 1. P. 88–98; *Blanc S.* Histoire d'une phobie: le Testament de Pierre le Grand // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1968. Vol. 9, № 3–4. P. 265–293; *Jourdan E.* Le Testament apocryphe de Pierre le Grand, *Universalité d'un texte (1794–1836)* // *Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin*. № 18. Printemps 2004.

⁵⁵ *Lesur Ch.L.* Des progrès de la puissance Russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle. P., 1812. P. 176–179.

⁵⁶ См. например памфлет времен Швейцарской кампании 1799 г.: [*Fornerod*]. Coup d'oeil sur l'état actuel de la Russie envisagée sous ses rapports physique, moral, économique, politique et militaire ou les Russes tels qu'ils sont. Par un ami de la Verité. Lausanne, 1799.

⁵⁷ *Moniteur*. № 192. 12 germinal, an VII (1799. 1 avril).

⁵⁸ *Moniteur*. № 265. 25 prairial, an VII (1799. 13 juin).

По мере приближения русских войск к границам Франции пресса анализировала и стратегию русского кабинета. В политике российского правительства усматривали наличие плана, сходного с «Завещанием Петра Великого»: «Вступление русских в Германию не может рассматриваться как простой каприз Павла I. Оно входит в широкий план, который начал разворачиваться в 1779 г., после заключения мира в Тешене... Сегодня Россия стремится заменить Францию в ее прежней роли гаранта и защитницы германской конституции»⁵⁹. Заметим, что стремительный бросок российской армии в Европу журналисты расценивали не только как поход против Франции и ее завоеваний в Италии, но и как агрессию против французских интересов в немецких землях.

Неоякобинцы в связи с приближением австро-русской армии добивались объявления «отечества в опасности». В клубе Манежа заявляли о грядущей «варварской» угрозе, возможной реставрации и гражданской войне. «В то время как роялизм заносит повсюду смертоносный клинок над головой республиканцев, Вандея возродилась из пепла, все земли между Гаронной и Пиренеями терзаемы распрями гражданской войны, – заявлял в клубе генерал Ожеро. – Тулуза, атакованная королевской армией, в то мгновение, когда я здесь выступаю, быть может, уже охвачена резней, и вторая Вандея распространяет свое опустошительное влияние на все южные департаменты, угрожая передать в руки кровожадных северных варваров эту лучшую часть империи!»⁶⁰

Таким образом, различные политические группы на протяжении десяти лет Революции, каждая на свой лад, использовали жупел «русской угрозы» для достижения собственных внутривнутриполитических и сиюминутных дипломатических задач, а газеты служили для трансляции различных политических установок. После выхода России из войны и из Второй коалиции страх перед вторжением русских во Франции постепенно отступил. В газетах даже появлялись сообщения о трудностях, которые испытывали русские войска в прошедшую кампанию, особенно в Швейцарии. Подобные публикации готовили почву для будущего примирения Парижа с Петербургом. Однако созданная в период Революции концепция «русской угрозы» будет еще не раз подниматься на щит французской прессой на протяжении следующих пятнадцати лет.

⁵⁹ *Moniteur*. № 337. 7 fructidor, an VII (1799. 24 août).

⁶⁰ *Moniteur*. № 333. 3 fructidor, an VII (1799. 20 août).

Россия и Франция: от войн к союзам

С первых же дней после прихода к власти Наполеона Бонапарта пропагандистская политика начала меняться. Текущее международное положение стали оценивать гораздо менее эмоционально, важнейшим принципом подачи информации стало соблюдение видимости беспристрастности. Некоторые особо значимые события старались даже освещать с двух сторон. Например, при описании крупных сражений газеты публиковали не только официальный бюллетень наполеоновской армии, но и донесение командующего армии противника. Но этот второй источник, как правило, старались подать таким образом, чтобы информация, исходящая от противника, только подтверждала истинность официальной точки зрения.

С первых месяцев правления Первому консулу пришлось заняться продолжающейся войной против Второй коалиции. После выхода из нее России главным противником на поле боя стала Австрия, чьи войска были усилены контингентами из ряда германских государств. Внешняя политика Бонапарта была направлена на то, чтобы как можно надежнее оторвать Россию от бывших союзников и даже, возможно, заключить с ней союз. Ради того, чтобы сблизиться с императором Павлом I, Наполеон даже готов был согласиться на подготовку совместного похода против Индии, хотя в реальность осуществления такого замысла он едва ли верил⁶¹.

В общественном мнении эпохи Консульства вновь возродился интерес к России как к возможному партнеру по торговле и внешней политике. Этот интерес выражался, в частности, в появлении сочинений, посвященных русской литературе и словесности. Переведенные тогда же на французский язык труды о России английских и немецких писателей рисовали гораздо более положительный образ этой державы, чем тот, который сложился в общественном мнении Франции к 1800 г.⁶² Не остались, впрочем, в стороне и французские авторы. Всплеск исторической публицистики о России приходится именно на период Консульства: дипломаты, литераторы и путешественники вновь открывали соотечественникам российскую действительность и вновь обсуждали

⁶¹ Подробнее см. *Безотосный В.М.* Наполеоновские планы Павла Петровича: несостоявшийся геополитический проект века // *Родина*. 2008. № 7. С. 45–51.

⁶² *Corbet Ch.* L'ère de nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe. P., 1967. P. 55–56.

идею необходимости союза с Россией, высказанную в предыдущие десятилетия⁶³. Официальная точка зрения французского МИД была не единственной, с которой могли ознакомиться читатели. Порою и частные мнения появлялись на страницах газет, причем весьма «вовремя». В июне 1802 г. польский эмигрант П. Малекевский настаивал в *Mercur de France* на срочной необходимости заключить с Россией особый договор о черноморской торговле. По его мнению, Франция благодаря своим особым отношениям с русским двором и сильным кредитным учреждениям сможет извлечь для себя немалую выгоду, так как теперь только Россия располагает на Черном море сильным флотом. Вместе с тем польский автор предлагал направить все усилия по налаживанию франко-русской торговли не французскими, а польскими товарами, которые, дескать, выгодно доставлять через Украину и Молдавию в черноморские порты и далее во Францию⁶⁴. Наконец, изменился тон сообщений о России в официальной печати: критика российского императора осталась в прошлом, теперь газета *Moniteur* старалась подчеркнуть его достоинства. Публиковалось немало красноречивых статей с одобрением действий царя и его министров, а негативная роль оставалась за Англией, которая в качестве вероломного и лукавого союзника убеждает царя «не отказываться от планов окружения Европы, присоединить к владениям в Крыму венецианские острова, даже Константинополь, Мальту, Минорку»⁶⁵. Распад Второй коалиции действительно послужил причиной для переговоров между Россией, Пруссией и Англией, но исход их не был predetermined, и потому в прессе появлялись публикации с неожиданными прогнозами: «Утверждают, как сообщает *Таймс*, что генерал Дюмурье представил императору России план четверного альянса в составе России, Франции, Испании и Пруссии. По этому договору будет предусмотрено, что прусский король станет обладать Нидерландами, Голландией, даже городом Гамбургом, отказавшись от своих приобретений в Поль-

⁶³ *Eshasseriaux (ainé)*. Tableau politique de l'Europe au commencement du XIXe siècle et moyens d'assurer la durée de la pays générale. P., an X (1802); *Fortia de Piles A.* Examen de trois ouvrages sur la Russie. Voyage de M. Chantreau. Révolution de 1762. Mémoires secrets. Par l'auteur du voyage de deux français au Nord de l'Europe. P., 1802; *Hauterive, A.-M. B. d'*. De l'Etat de la France, à la fin de l'an VIII. P., an IX; *La Messeliere*. Voyage à Petersbourg ou nouveaux mémoires sur la Russie. P., 1803; *Maréchal P.-S.* Histoire de la Russie, réduite aux seuls faits importants. L.-P., 1802; *Masson Ch.* Mémoires secrets sur la Russie. T. 1–4. P., 1800–1803.

⁶⁴ *Mercur de France*. № XLVIII. № 25. Floréal, an X. (1802. 15 mai).

⁶⁵ *Journal de Paris*. № 134. 4 pluviôse, an VII (1800. 24 janvier). P. 598.

ше, а Польское королевство будет восстановлено и великий князь Константин, второй сын Павла, станет его королем, царь уступит ему место великого магистра Мальтийского ордена, французы сохранят Мальту, а Корсику передадут России, что границы Франции будут окончательно установлены по левому берегу реки Рейн... Этот проект очень заинтересовал Павла, который назначил Дюмурье генерал-майором кавалерии и выделил ему пенсию в 10 000 рублей. Дюмурье по поручению Павла отправлен с миссией в Лондон и сейчас уже прибыл в Нижнюю Саксонию»⁶⁶. С радостью парижская пресса сообщала весной 1800 г., что по сведениям гамбургских газет удача отвернулась от английской дипломатии и Павел более не собирается идти навстречу предложениям лондонского кабинета⁶⁷. *Moniteur* зорко следил за придворными новостями, приветствуя отставку англофила вице-канцлера Н.П. Панина, и провал миссии английского военного представителя в российской столице⁶⁸. Альманах *Mercure de France* преподносил это событие и временную смену ориентиров в международной политике России как дипломатический переворот, хотя и указывал на личный фактор, т.к. «Панин слишком охотно выполнял просьбы английских коммерсантов»⁶⁹. С нескрываемым удовольствием *Moniteur* сообщал как о скором и неминуемом факте об отъезде из российской Митава Людовика XVIII со свитой и об очевидных раздорах между Венским и Петербургским дворами⁷⁰. Газета подчеркивала, что несмотря на «ужасные предубеждения», которые русский император испытывал раньше по отношению к французам, в своем теперешнем негодовании против австрийцев он готов даже пойти на заключение мира с Бонапартом⁷¹.

Наполеон Бонапарт с первых дней своего правления задумался о возможном союзе с Россией, гарантировавшем крах Второй антифранцузской коалиции и сулившем немало выгод в сфере международных отношений. Первый консул при поддержке Петербурга желал создать антианглийский союз, который бы втянул в свою орбиту государства не только Европы, но и Америки. В этом случае открылись бы

⁶⁶ *Journal de Paris*. № 237. 27 floréal, an VIII (1800. 17 mai).

⁶⁷ *Moniteur*. № 209. 29 germinal, an VIII (1800. 19 avril).

⁶⁸ *Moniteur*. № 212. 2 floréal, an VIII (1800. 22 avril).

⁶⁹ *Mercure de France*. № 14. 16 nivôse, an IX. (1801. 06 janvier).

⁷⁰ *Moniteur*. № 298. 28 messidor, an VIII (1800. 17 juillet).

⁷¹ *Moniteur*. № 212. 2 floréal, an VIII (1800. 22 avril).

перспективы вытеснения англичан из Азии и Индии. Он размышлял и о разделе османских владений между Францией и Россией, подчеркивая, что если Павел направит свои взгляды в эту сторону, их «интересы станут общими»⁷². В подобном заявлении видно то же стремление занять Россию войной подальше от границ Франции, только раньше журналисты писали об этом как о своем желании, теперь же Бонапарт пытался, опираясь на наладившиеся отношения с Россией, реализовать идею на практике.

По-прежнему критическим оставалось отношение к России в лагере республиканцев: язвительный юмор, гротеск и заявления о «русском варварстве» и «деспотизме» еще долго не исчезали со страниц левой, но уже далекой от прежнего радикализма, газеты *Journal des hommes libres de tous les pays*⁷³. Здесь сообщали, например, о том, что в России резко уменьшилось число типографий, и подчеркивали, что «так и должно быть в стране, где боятся прогресса просвещения»⁷⁴. Доставалось и русскому императору, провозгласившему себя магистром Мальтийского ордена: газета сообщала о том, что даже друзья по коалиции не желают признавать за православным монархом этого титула, и рассказывала читателям едкие анекдоты о «сумасбродствах» русского царя⁷⁵. Неудивительно, что Бонапарту и его окружению, считавшим заключение союза с Россией важнейшей задачей французской дипломатии, требовались немалые усилия для того, чтобы склонить общественное мнение Франции в пользу подобного изменения внешнеполитического курса страны.

Таким образом, идеологи политики Консульства пытались строить позитивный образ России как возможной союзницы Франции при помощи традиционных и в целом негативно окрашенных стереотипных представлений о Российской империи, существовавших еще с середины

⁷² Correspondance de Napoléon. P., 1861. Т. 6. P. 326. Наполеон интересовался самыми свежими данными о состоянии русских финансов, армии, флота, численности населения страны и, в частности, крупных городов. Эти сведения поступали к нему из министерства иностранных дел. – Ibid. P. 520.

⁷³ Республиканская *Journal des hommes libres de tous les pays*, являла собой полную противоположность квазиофициальному *Moniteur*. Однако власти оказывали на нее день за днем все большее давление, и к концу VIII г. новости о России в газете почти вовсе перестали появляться. См.: Fajn M. Le «Journal des hommes libres de tous les pays» // AHRF. 1975. № 220. P. 273–288.

⁷⁴ *Journal des hommes libres*. № 57. 3 pluviôse, an VIII (1800. 23 janvier).

⁷⁵ *Journal des hommes libres*. № 112. 28 ventôse, an VIII (1800. 19 mars).

XVIII в. Отличие было лишь в том, что теперь вместо устаревшей идеи сдерживания российской экспансии при помощи «восточного барьера» предлагали заключить союз с Российской империей, сохраняя при этом в душе прежний страх перед «северным колоссом». Повинуясь воле Первого консула, французские газеты на все лады старались обосновать военный, политический и торговый союз с Россией⁷⁶.

Изменение концепции «русской угрозы» в эпоху правления Наполеона

После смерти Павла I внешняя политика Франции в отношении России не претерпела заметных изменений⁷⁷. Осенью 1801 г. французская пресса сообщила о заключении мира между Республикой и императором Александром. Бонапарт на страницах печати сожалел о преждевременной кончине Павла, «который любил Францию и хотел мира в Европе, а особенно соблюдения свободы на море... Но теперь мир подписан и ничто не поколеблет отношений двух великих народов»⁷⁸. Правда, переговоры о заключении союза, направленного на сдерживание Англии, были отложены, но в остальном Россия по-прежнему рассматривалась как потенциальный союзник, и газеты, уже почувствовавшие на себе тяжелую руку нового правителя, продолжали писать о России с умеренно благоприятных позиций.

В период между войнами против Второй и Третьей коалиций французская пресса уделяла очень большое внимание перипетиям внешней политики. Газеты публиковали подробные отчеты о переговорах с Англией сначала о заключении мира, затем по вопросам, связанным с соблюдением всеми сторонами условий Амьенского договора. России в выстраивании новых конфигураций во внешней политике отводилась очень заметная роль.

⁷⁶ Та же тенденция прослеживается не только в центральных парижских изданиях, но и в армейской прессе. См.: Пруская Е.А. Образ России в прессе Восточной армии Бонапарта // НиНИ. № 4. 2012. С.176–182.

⁷⁷ Комментарии парижских изданий о смерти Павла I и восшествии на престол Александра I отражали официальную позицию русского двора, но явно указывали на Лондон в поисках виновников смерти царя: «Еще неизвестны подробности этой столь неожиданной и скоротечной смерти. Вот что читают в официальной газете за 25 жерминаля: “Павел умер в ночь с 24 на 25 марта!!! Английская эскадра прошла через Зунд 31-го!!! История еще покажет нам, как были связаны эти два события!!!”» (См. *Mercure de France*. № 21. 1 Floréal, an IX).

⁷⁸ *Mercure de France*. № 23. 1 Brumaire ,an X (1801. 23 octobre).

В начале 1803 г. Россия пыталась выступить как посредник в переговорах между Францией и Великобританией по вопросам, связанным с выполнением обеими сторонами условий Амьенского мира. Ключевым стал спор о принадлежности о. Мальта. По условиям Амьенского мира власть на Мальте должна была быть возвращена англичанами Мальтийскому ордену, но и к началу 1803 г. они ничего не сделали для передачи острова ордену. Отдавать такую стратегически важную базу англичане не собирались, они даже готовы были за это пожертвовать наследственными владениями английских королей в Ганновере, что было весьма разумным выбором, так как сил для защиты немецких владений у Великобритании было явно недостаточно, а вот Мальту у них отбить было бы крайне затруднительно. Россия выступала в этом вопросе еще одной заинтересованной стороной: поскольку в 1798 г. верховным магистром Мальтийского ордена стал Павел I, который гарантировал рыцарям независимость их государства, для Александра I было вопросом чести отстаивать интересы рыцарей. Кроме того, у России также была собственная военная база в Средиземноморье – Республика семи островов. В случае войны России было бы непросто удерживать эту удаленную базу, а наличие неподалеку опорного пункта Великобритании противоречило интересам России. Переговоры по всем этим вопросам проходили в очень напряженном темпе, и газеты старались уследить за каждым их шагом. *Moniteur* сообщал о каждой встрече русского посла в Англии с министром иностранных дел этой страны⁷⁹, а также публиковал отчеты о дебатах в английском парламенте на эти темы⁸⁰.

Россия в тот момент была важным потенциальным союзником для Франции, поскольку обладала значительным военным флотом, а после бомбардировки Копенгагена для многих европейских государств вопрос о защите от нападений с моря стал чрезвычайно актуальным. Именно поэтому с таким вниманием французы отнеслись к походу российской эскадры в Росток⁸¹. Подобными сообщениями у французского читателя поддерживали представление о России как о сильном с военной точки зрения государстве, хотя на деле российский флот в начале XIX в. значительно уступал английскому и едва ли мог слу-

⁷⁹ См., например: *Moniteur*. № 297. 27 messidor, an XI (1803. 16 juillet).

⁸⁰ *Moniteur*. № 261. 21 prairial, an XI (1803. 10 juin).

⁸¹ *Moniteur*. № 313. 13 thermidor, an XI (1803. 1 août).

жить надежной защитой для прибрежных портов в случае атаки со стороны англичан.

Большой интерес проявляли газеты к развитию в России торговли и промышленности. Сообщалось о стимулировании российским правительством развития пивоваренной промышленности⁸², поддержке пострадавших от неурожая районов Новороссии путем отмены части налогов⁸³, а также об успешном строительстве речных каналов, которые способствовали развитию внутренних путей сообщений в империи⁸⁴.

В 1804–1805 гг. с помощью прессы Наполеон пытался дезориентировать англичан и их возможных союзников на континенте относительно предназначения войск, стоящих в лагерях на побережье Ла-Манша. Распускались слухи о том, что войска могут быть направлены на Гаити или в Индию. И если большой интерес прессы к событиям в Карибском бассейне объясняется длительными экономическими связями с этим регионом и той ролью, которую играла торговля с островами до Революции, то интерес к Индии и происходящим там столкновениям английских войск с Маратхской конфедерацией мог навести на мысль, что французы собирают сведения о будущем театре военных действий. Небывалой для периодической печати акцией стала публикация специального приложения к номеру *Moniteur* от 16 прериаля XIII года на 33 газетных страницах писем маркиза А. Уэлсли, будущего герцога Веллингтона, командовавшего войсками в Индии⁸⁵.

Поскольку Наполеон готовился к операции против Англии, никакой пропагандистской подготовки к войне против Австрии и России не велось, так как даже если подобная война и не исключалась полностью, император французов хотел сперва добиться своей главной цели – нанести поражение Великобритании, а потом уже выяснять отношения на континенте. Заняв осторожную позицию по отношению к России, Наполеон предпочитал умалчивать в прессе о неприятных для Парижа фактах и заниматься сбором сведений, которые могли бы пригодиться позднее. К примеру, *Mercur de France* публиковал оптимистичную для Парижа новость «С берегов Майна» (неточная ссылка иногда означала, что сообщение откорректировано в одном из парижских ведомств): «Переговоры, начатые с целью сближения между Францией и Россией,

⁸² *Moniteur*. № 104. 14 nivôse, an XI (1803. 4 janvier).

⁸³ *Moniteur*. № 136. 16 pluviôse, an XI (1803. 5 février).

⁸⁴ *Moniteur*. № 146. 26 pluviôse, an XI (1803. 15 février).

⁸⁵ *Moniteur*. № 256, 16 prairial, an XIII (1805. 5 juin).

продвигаются гораздо медленнее, чем ожидалось. Добавляют, что император Александр, кажется, желает, чтобы европейские дела решались на всеобщем конгрессе с участием всех европейских держав»⁸⁶. Наполеону нельзя отказать в трезвой оценке ситуации: в октябре 1804 г., давая указания министерству полиции о публикациях в газетах, он замечал: «В целом русский двор обладает скорее высокомерием, чем склонностью к интригам, и более тщеславием, нежели умом. Интриги же, которые имеют место, относятся только к чиновникам второго ряда, которые подкуплены англичанами и эмигрантами». Император французов требовал от министра полиции Ж. Фуше направить агента в Вильно, чтобы проследить за путешествием, встречами и связями графа Лилльского в России⁸⁷.

Сам император не только давал указания Фуше, а затем и его премнику Савари о том, какие материалы о России необходимо печатать в газетах, но и на какой «источник» следует сослаться. Так, например, в августе 1804 г. он писал министру полиции, что «записки, которые вы мне передали относительно немощи России, составлены весьма рассудительным человеком... и я заметил одну вещь, которую очень редко встречаю в подобного рода сочинениях, ибо в нем нет ни слова, которое я бы мог осудить, и написано оно весьма легко. Сообщите мне имя автора. Я возвращаю вам эти записки, чтобы вы напечатали их в газете как перевод из английской газеты. Выберите для этого одну, имя которой малоизвестно...»⁸⁸ Ссылка на английскую печать (выдержки из которой при парижском дворе читали регулярно) придавала публикациям в официозе оттенок достоверности.

Тем временем создание Третьей антифранцузской коалиции было оформлено подписанием русско-английского союзного договора от 11 (23) апреля 1805 г., но император французов все еще рассчитывал внести разлад в ряды своих противников и потому в конце мая 1805 г. требовал от Фуше не менее изящных приемов пропаганды: «Прикажите напечатать в газетах побольше писем, якобы пришедших из Санкт-Петербурга и утверждающих, что французов там принимают наилучшим образом, двор и город ощущают необходимость сближе-

⁸⁶ *Mercur de France*. № 192. 18 ventôse, an XII (1804. 9 mars).

⁸⁷ Lettre à Fouche. 16 vendémiaire an XIII. 08.10.1804 // *Correspondance générale de Napoléon*. T. 4: Ruptures et fondation, 1803–1804. P., 2007. P. 929. (№ 9339).

⁸⁸ Lettre de Napoléon à Fouché, ministre de la police générale. 10 fructidor an XII [28 aout 1804] // *Ibid*. P. 840 (№ 9147).

ния с ними, что все убеждены: английская алчность есть истинная причина продолжения войны и, наконец, что на англичан смотрят хмуρο, а проект коалиции провалился, во всяком случае, Россия никак не собирается в нем принимать участие, далека от того, чтобы вмешиваться в него за свой счет каким-либо прямым и эффективным образом»⁸⁹.

Однако планы Наполеона были нарушены, и уже в октябре 1805 г. он начал войну против войск Третьей коалиции на территории Германии и Италии. В первых сообщениях об открытии боевых действий главным виновником войны объявлялся император Франц⁹⁰. Но уже в 9-м бюллетене Великой армии со ссылкой на генерала Макка вина за начало войны перелгалась на Россию, которая якобы заставила Австрию подписать союзный договор⁹¹. Такое изменение в пропагандистской политике было связано в том числе и с тем, что после поражения Макка Австрия уже не могла единолично вести войну против Франции и боевые действия продолжались исключительно благодаря присутствию на полях Германии армии Кутузова и ожиданию подкреплений из России. Таким образом, империя Александра I с ее бескрайними просторами и огромными ресурсами становилась главным препятствием на пути к миру, поэтому французская пресса начала понемногу актуализировать стереотипные представления о русской угрозе, немного забытые после походов Суворова. Но поскольку французские войска вели наступление в глубь территории противника и не было необходимости в мобилизации всех сил империи на борьбу с врагом, поэтому тон сообщений о русской армии был не столь резким, как в предыдущую кампанию.

В начале войны 1805 г. газеты довольно подробно следили за перемещениями русских войска на территории Российской империи, и их сведения были весьма точны. Так в *Journal de l'Empire* от 23/24 сентября 1805 г. сообщалось об отправке 30-тысячного корпуса в Ревель для того, чтобы на судах переправить их в шведскую Померанию. В дальнейшем газеты следили за продвижением основных русских сил

⁸⁹ Lettre de Napoléon a Fouché, ministre de la police générale. 6 prairial an XIII [26 mai 1805] // Correspondance générale de Napoléon. T. 5. Boulogne, Trafalgar, Austerlitz. 1805. P., 2008. P. 346 (№ 10133).

⁹⁰ *Moniteur*. № 21, 21 vendémiaire, an XIV. (1805. 13 octobre); № 22. 21 vendémiaire, an XIV (1805. 13 octobre).

⁹¹ *Moniteur*. № 34. 4 brumaire, an XIV (1805. 26 octobre).

через польские земли. Основным источником таких сведений, видимо, выступала европейская пресса, хотя точные ссылки на газету, из которой взята информация, встречаются не всегда.

В период войн 1805–1807 гг. французская пропаганда целенаправленно противопоставляла русских их союзникам. Во время кампании 1805 г. бюллетени пестрели заявлениями о грабежах со стороны русских войск и о недовольстве подданных императором Францем, который привел таких союзников, что наносят значительный ущерб землям германских государств: постоянно грабят, жгут и убивают. Уже в октябре 1805 г., когда кампания еще, по сути, только начиналась, 9-й бюллетень утверждал, что австрийские офицеры недовольны соседством с русскими войсками. Они считали, что нельзя было направлять в сердце Европы представителей народа, привыкшего жить в отсталой стране⁹². Затем в 14-м бюллетене уже сообщалось о грабежах мирного населения русскими войсками⁹³, а в 17-м утверждалось, что в районе Ламбаха и Риеля русские опустошили все и в некоторых деревнях убили 8 из 10 крестьян⁹⁴. Когда австрийскому императору пытались жаловаться на поведение русских войск, он якобы лишь заметил, что не отвечает за них, а его (австрийские) войска ведут себя спокойно⁹⁵.

Недовольство русскими, как следует из опубликованных в прессе бюллетеней, высказывали не только крестьяне, которые могли страдать от реквизиций всех армий, но даже и более состоятельные слои общества. Так, в ноябре 1805 г. один только слух о победах русских армий вызвал в уже занятой французами Вене панику⁹⁶. После Аустерлицкого сражения, когда кампания фактически закончилась, сообщалось о том, что крестьяне Моравии повсюду убивают оставшихся русских, если встречают их поодиночке, из-за чего императору французов приходится высылать конные разъезды, которые должны противостоять этим казням⁹⁷.

Во время зимней кампании 1806 г. сообщений о грабежах стало меньше, но больше усилий французская пропаганда стала тратить на

⁹² Ibid.

⁹³ *Moniteur*. № 47. 14 brumaire, an XIV (1805. 8 novembre).

⁹⁴ *Moniteur*. № 50. 20 brumaire an XIV (1805. 11 novembre).

⁹⁵ *Moniteur*. № 54. 24 brumaire, an XIV (1805. 15 novembre).

⁹⁶ *Moniteur*. № 67. 7 frimaire, an XIV (1805. 28 novembre).

⁹⁷ *Moniteur*. № 92. 2 nivôse, an XIV (1805. 23 decembre).

распространение представлений о разногласиях между союзниками. *Moniteur* сообщал посредством бюллетеней об этих разладах. Так, 41-й бюллетень от 14 декабря 1806 г. сообщал, что около деревни Брок дезертировал целый батальон, состоявший из поляков и пруссаков, сдавшиеся в плен солдаты якобы были возмущены отношением к ним со стороны союзников и считали, что король продал их русским⁹⁸. При этом не уточнялось, в чем именно состояло плохое отношение со стороны русских к своим союзникам. Специальная ссылка на то, что в составе этого батальона были поляки, должна была свидетельствовать о поддержке французов со стороны этого народа. Бюллетень № 44 утверждал, что у пруссаков дезертируют целые колонны, чтобы не быть в подчинении у русских⁹⁹. Идея о том, что русские были инициаторами войн Третьей и Четвертой коалиции, повторилась затем и в 1812 г. В так называемом «Ответе немца» на листовку Баркляя де Толли с призывом к немецким контингентам покинуть ряды Великой армии содержалось прямое обвинение России в том, что именно она втянула Пруссию в войну в 1806 г. и потому виновата во всех бедах Пруссии¹⁰⁰.

Зимой 1806–1807 гг. французская армия испытала все возможные трудности, связанные с ведением кампании в условиях зимы, и потому пресса старалась опровергнуть в своих сообщениях опасения родственников участников кампании, а также информацию о трудностях похода, которые могли доходить до Франции в частных письмах из армии. Так, в газетах часто публиковались сообщения о значительных запасах продовольствия, обнаруженных на оккупированной территории Пруссии, а все передвижения Великой армии в декабре-январе связывались с устройством зимних квартир¹⁰¹.

Поскольку война против Четвертой коалиции затягивалась, пресса освещала и внутреннее положение России в связи с этой войной. В частности, французы публиковали сообщения о проводимых в России рекрутских наборах, которые основывали на указах императора Александра. 7 января 1807 г. *Moniteur* со ссылкой на *Journal de Paris* сообщала о дополнительном наборе одного ратника с 500 мужских душ, в дополнении к ранее объявленному набору 4 человек с 500. При этом

⁹⁸ *Moniteur*. № 359. 1806. 25 decembre.

⁹⁹ *Moniteur*. № 3. 1807. 3 janvier.

¹⁰⁰ *Moniteur*. № 221. 1812. 8 août.

¹⁰¹ См., например: *Moniteur*. № 16. 1807. 16 janvier.

уточнялось, что были ослаблены требования к призывникам, минимальный рост снижен на полвершка (сколько это в понятных французам величинах – газета не уточняла), а возраст потенциального солдата повышен до 36 лет. Отмечалось, что указ можно будет выполнить только в европейской части империи и результаты скажутся не ранее, чем через три месяца¹⁰². Поспешность, с которой Александр издавал указ о дополнительном наборе, должна была показать, что русская армия находится не в лучшем состоянии, а тот факт, что армия получит подкрепление только через три месяца, вселял надежду, что французы сумеют закончить войну до этого момента. Кроме того, читатели, вероятно, понимали, что солдат без боевого опыта является менее опасным противником, чем закаленные в боях ветераны.

На протяжении войны против Четвертой коалиции в прессе подчеркивалось неустойчивое положение в самой России в связи с ее участием в боевых действиях. Так, *Moniteur* сообщал о том, что российская торговля терпит бедственное положение, торговцы с трудом избегают банкротства¹⁰³, о принятии очень строгих мер, запрещающих любые политические дискуссии¹⁰⁴, о жестком законе против иностранцев в России и союзников Франции, которые должны были либо покинуть страну, либо поклясться в отсутствии связей с родиной¹⁰⁵.

Кроме того, в негативном для России ключе освещались ее кампании против Османской империи и Персии. Так, в № 21 *Moniteur* от 21 января 1807 г. в новости из Константинополя говорилось о том, что российские агенты распускают слух о якобы скором заключении мира между двумя державами. Однако, как говорилось в заметке, Порты не собиралась мириться со своим заклятым врагом, более того, в статье описывалось незавидное положение России, из-за своих амбиций вынужденной сражаться сразу с тремя державами – Османской империей, Персией и Францией. В то же время в заметке подчеркивался дружеский характер отношений между французами и османами. Почти весь № 84 *Moniteur* от 25 марта 1807 г. посвящен Русско-турецкой войне: здесь был опубликован манифест Порты об объявлении войны России, с приложением перехваченных писем министра иностранных дел А.Я. Будберга. В № 90 от 31 марта сообщалось о неудачах русской

¹⁰² *Moniteur*: № 7. 1807. 7 janvier.

¹⁰³ *Moniteur*: № 58. 1807. 27 février.

¹⁰⁴ *Moniteur*: № 136. 1807. 16 mai.

¹⁰⁵ *Moniteur*: № 48. 1807. 17 février; № 50. 1807. 19 février.

армии в борьбе против османов. Очевидно, что все это делалось для демонстрации слабости России как противника французов¹⁰⁶.

Роль заклятого врага французского императора и союзника России по Четвертой коалиции – Великобритании – в изображаемом прессой ослаблении России также всячески подчеркивалась. В довольно жестком тоне в *Moniteur* говорилось о негативном влиянии Англии на Россию, отмечалось, что англичане преследуют всех, кто выступает против вовлечения России в «пагубную войну», а император Александр проявляет слабость и позволяет англичанам вести себя подобным образом¹⁰⁷. Завершалась данная статья обличением Англии и демонстрацией слабости России, выбравшей такого союзника: «Дела в Польше идут плохо, и, к тому же наши армии в Турции и Персии так ослаблены, что терпят поражения. И для чего это всё? Для Англии, которая уже несколько лет как диктует нам свои правила через предписания, исходящие из Петербурга». Что характерно, на следующей день эта заметка была перепечатана в *Journal de l'Empire*.

Таким образом, французская пресса в очередной раз продемонстрировала, что Россия действует не в своих интересах, и даже предрекала скорый разрыв между Россией и Англией – на смену их «казалось бы искренней дружбы», как писал *Moniteur*, придет жесткое соперничество¹⁰⁸.

Однако после того как Россия действительно сменила союзника, заключив Тильзитский мир с Францией в конце июня – начале июля 1807 г., из французской прессы исчезли новости о неудачах российской армии в войнах с Османской империей и Персией, и в целом образ России стал скорее позитивным. О боевых действиях России на Востоке теперь сообщалось со ссылкой на российские газеты, в которых подробно освещались победы России, тем более что Франция перестала помогать османскому султану. Более того, Наполеон дорожил союзом с Россией и старался всячески подчеркнуть его значимость. *Moniteur* писал, что новость о мире с Францией очень радост-

¹⁰⁶ В письме Ж.Ж. Камбасересу Наполеон прямо писал о новостях в *Moniteur* о войне Османской империи с Россией: «С этой стороны дела идут хорошо, русские, кажется, в высшей степени поставлены в затруднительное положение. Вполне вероятно, что они будут побеждены и вынуждены эвакуироваться из Валахии. Порта действует лучше, чем мы могли сметь надеяться». *Correspondance générale de Napoleon*. Т. 7. 1807. Tilsit, l'apogée de l'Empire. P., 2010. (№ 15089).

¹⁰⁷ *Moniteur*. № 107. 1807. 17 avril.

¹⁰⁸ *Moniteur*. № 167. 1807. 17 juin.

но встречена в России и сопровождается празднованиями¹⁰⁹, в газете появлялись заметки о балах у французского посла по различным поводам¹¹⁰. А в письме Фуше от 26 июля 1809 г., император приказывал арестовать и заключить под стражу редактора *Gazette de France*, поскольку тот опубликовал статьи, «которые могли поставить под сомнение союз Франции и России и оскорбить наших союзников»¹¹¹.

Дружба двух императоров подчеркивалась не только в центральной парижской прессе, но и в газетах государств-сателлитов Франции. Например, № 324 от 20 ноября 1810 г. *Journal de Francfort* со ссылкой на *Poste du Nord* сообщал о том, что российский посол в Париже А.Б. Куракин привез Александру I письмо от Наполеона, которое содержало «бесспорные свидетельства дружеских связей, существующих между двумя дворами, и нерушимого союза, объединяющего две империи». Более того, сомневающимся в искренности российско-французской дружбы рекомендовалось обратиться к газетам *Moniteur* (№ 270 от 27 сентября) и *Journal de l'Empire* (от 28 сентября) с целью опровержения слухов, «посеянных теми, кто хочет разрушить всеобщее спокойствие в Европе и кто предсказывает новую войну на Севере». Под последними подразумевались англичане, а сама заметка в российской прессе, как и упоминаемые сообщения из парижских газет, были вызваны согласием маршала Франции Жана-Батиста Бернадота стать наследником шведского престола, в то время как Россия только недавно выиграла войну у Швеции, что могло быть расценено как поддержка Францией противника России. По сообщению парижских газет, даже согласие маршала Бернадота стать кронпринцем Швеции никак не должно было повлиять на дружбу Наполеона и Александра, несмотря на «надежды Англии». «Император Наполеон уверен в России, так же как и Россия уверена во Франции», – гласили тексты в *Moniteur* и *Journal de l'Empire*.

Такое повышенное внимание к новостям о дружбе двух империй в прессе должно было убедить читателя франкоязычной прессы в том, что «русская угроза» сошла на нет.

Еще одна значимая для Наполеона тема, которая пристально освещалась прессой в период франко-русского союза, – соблюдение Росси-

¹⁰⁹ *Moniteur*: № 242. 1807. 17 août.

¹¹⁰ Например, *Moniteur*: № 120. 1807. 29 avril; *Moniteur*: № 175. 1810. 24 juin; *Moniteur*: № 257. 1810. 14 septembre.

¹¹¹ *Correspondence général de Napoleon*. Т. 8. Wagram. P., 2013. № 21631.

ей условий Континентальной блокады. На протяжении 1807–1810 гг. газеты сообщали о тщательном соблюдении блокады и различных действиях России против Англии. В *Moniteur* была напечатана декларация Александра I, в которой тот обвинял Англию в разжигании войны на континенте¹¹², текст указа о прекращении торговых отношений с Англией¹¹³, наложении эмбарго на английские товары¹¹⁴ и о способах предотвращения контрабанды¹¹⁵. На протяжении второй половины 1810 и начала 1811 г. в франкоязычной прессе не раз появлялись сообщения о задержанном корабле с Тенерифе, перевозившем контрабанду, груз которого был конфискован и распродан в пользу казны¹¹⁶. К концу 1811 г. подобные сообщения пропадают со страниц *Moniteur*, что могло служить для внимательных читателей верным предвестником надвигающегося конфликта.

События Русско-шведской войны 1808–1809 гг. также освещались французской прессой комплиментарно для России – подробные сводки о боевых действиях перепечатывались из петербургских газет, которые писали, естественно, об успехах русского оружия. Кроме того, французская пресса не уставала обвинять Великобританию в коварных действиях, отмечая, что англичане виновны в развязывании войны, но с ее началом фактически предали своих союзников шведов¹¹⁷. Присоединение Финляндии к России описывалось французскими изданиями в позитивных тонах: по утверждению *Moniteur* (со ссылкой на *Journal de l'Empire*), местное население было довольным поведением русских солдат, и отношением российского императора¹¹⁸.

Одной из характерных установок французской пропаганды эпохи союза Наполеона с Россией было стремление не писать о России и ее военных кампаниях негативно. Пока Россия была союзником, о поражениях российской армии не сообщалось, но в 1811 г., когда скорая война с Россией стала реальностью, французские газеты перестали сообщать об успехах России. Если про не вполне удачную для русских

¹¹² *Moniteur*. № 545. 1807. 11 décembre.

¹¹³ *Moniteur*. № 124. 1808. 3 mai.

¹¹⁴ *Moniteur*. № 547. 1807. 13 décembre; №№ 146, 148, 249. 1808.

¹¹⁵ *Moniteur*. № 217. 1808. 4 août.

¹¹⁶ *Journal de Francfort*. №№ 264, 352. 1810; №№ 2, 78. 1811; *Moniteur*. № 246, 270, 325. 1810.

¹¹⁷ *Moniteur*. № 117. 1808. 26 avril.

¹¹⁸ *Moniteur*. № 1. 1809. 1 janvier. *Journal de l'Empire*. 1808. 31 décembre.

операцию под Рушуком летом 1811 г., было написано подробно¹¹⁹, то о решительной победе там же осенью 1811 г., а также о заключении в мае 1812 г. мирного соглашения между Россией и Турцией французская пресса предпочла промолчать.

В 1811 г. постепенно отношения между двумя странами стали более настороженными, и это нашло отражение в прессе. В периоды военных конфликтов между Россией и Францией наполеоновская пропаганда активно использовала выработанные в прошлые эпохи стереотипы о русской армии, однако вынужденный переход от критики русской армии в период войны 1805–1807 гг. к сдержанной апологетике во время союза вынудил пропагандистскую машину впоследствии, при подготовке к новой кампании, заняться развенчанием положительных представлений о русской армии, как сильном и умелом противнике. Вновь были подняты на щит традиционные представления о русских, восходящие к архетипическим образам врага, как о диких кочевниках, варварах с Севера и Востока. На протяжении полутора лет, с начала 1811 г., жителей Франции постепенно готовили к будущему столкновению с Россией, объясняя, что Петербург ведет свою политику в ущерб собственным экономическим и политическим интересам. Немало статей в газетах было посвящено описанию российской армии. Описывалось строительство на Балтике новых кораблей¹²⁰, маневры сухопутных войск, и, наконец, сообщалось о новом рекрутском наборе на 1812 г.¹²¹ – всё это должно было свидетельствовать о том, что Россия активно вооружается и уже начала готовиться к войне.

В № 158 *Journal de Francfort* от 7 июня 1811 г. был опубликован проект и распоряжение Александра I об усилении контроля на западной границе Российской империи, поскольку «торговые связи и соответствующие законы, столь важные для сохранения общественного благосостояния, требуют особого внимания к охране границ и их правильной организации». Отмечалось, что это необходимо для того, чтобы на территорию страны не могли проникнуть люди без паспортов и с контрабандными товарами. Суть же «Положения о пограничной казачьей службе» – а именно так назывался этот документ¹²² – состояла в том,

¹¹⁹ *Moniteur*. № 216. 1811. 4 août.

¹²⁰ *Moniteur*: №№ 169, 188. 1811. 18 juin, 7 juillet.

¹²¹ *Moniteur*: № 339. 1811. 5 décembre.

¹²² *Соломешин А.Ю.* История таможенного дела и таможенной политики России. СПб., 2011. С. 133.

чтобы на границе были размещены на расстоянии 150 верст друг от друга казачьи полки, которые постоянно патрулировали бы территорию. В то же время данное сообщение, появившееся за год до начала боевых действий против России, когда постепенно возрастало напряжение между двумя империями, могло восприниматься и как проявление воинственных настроений. Тем более европейцев могло напугать появление больших масс казаков вблизи границ Российской империи.

Важнейшим доказательством враждебности по отношению к Франции служил российский таможенный тариф, опубликованный в *Moniteur* 31 января 1811 г. и в *Journal de Francfort* (№ 28–33 за 1811 г.), направленный в первую очередь против французских товаров. В целом, тематика российско-французской дружбы и активное противостояние России и Англии постепенно исчезает со страниц франкоязычной прессы в 1811 г.

Одновременно *Moniteur* старался показать военную слабость Российской империи в настоящий момент. Многочисленные сообщения о Русско-турецкой войне, в которых показывалась неэффективность действий российских войск, должны были свидетельствовать о невысоком уровне их подготовки. Газета давала понять читателям, что у русских, в том числе, нет достойных полководцев. Генерал Каменский умер, новый командующий российской армии в Румынии – М.И. Кутузов – действовал не очень успешно. Остальные генералы практически не упоминались. Символом ослабления современной российской армии по сравнению с эпохой Екатерины II стало сообщение о гибели генерал-майора графа А.А. Суворова, сына покойного фельдмаршала. Произошло это событие на берегу реки Рымник, «в тех самых местах, где его отец одержал славную победу»¹²³.

Характер сообщений о России заметно изменился с началом кампании 1812 г. Корреспонденция о внутренней жизни страны теперь практически не публиковалась, что можно объяснить трудностями военного времени. О ходе боевых действий французы узнавали из бюллетеней Великой армии, перепечатававшихся всеми парижскими газетами. Эти документы, несмотря на их тенденциозность, были важнейшим источником информации о войне для всей Европы, даже для Англии, хотя

¹²³ *Moniteur*. № 165. 1811. 14 juin. Подробнее о гибели А.А. Суворова см. *Бантыш-Каменский Д.М.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. Т. 1. С. 197.

там и не доверяли им полностью¹²⁴. Прочие сообщения из оккупированных французами районов чаще всего публиковались как новости из Литвы или герцогства Варшавского.

Читатели *Moniteur* оставались в неведении относительно истинных отношений между бывшими союзниками до 4 июля, когда был опубликован отчет о заседании сената, на котором зачитывали обращение императора о начале войны с Россией¹²⁵. К этому сообщению прилагались тексты союзных договоров с Австрией (от 14 мая 1812 г.) и Пруссией (от 24 февраля 1812 г.). Только теперь читатели могли достоверно узнать, что отношения между двумя бывшими союзниками испортились уже давно.

Российскую империю стали представлять единственным виновником начавшейся войны. «В Тильзите Россия обещала принять без оговорок мудрый план, предполагавший избавить континент от влияния Англии и заставить эту державу вернуться к принципам, наиболее согласным с правами наций, – сообщал граф Дарю сенату. – Россия тогда не замедлила согласиться с этой замечательной системой. Положение стало меняться в 1811 г. После известных событий переговоры оказались бесполезны, и император вынужден был предпринять меры в защиту своей чести и короны, интересов своего народа, имея в виду опасность такого союза»¹²⁶.

Ниже было опубликовано обращение министра иностранных дел герцога Бассано к Наполеону, в котором он продемонстрировал постепенный отход Александра I от союза с Францией. В качестве обвинений называлось и невыполнение Россией договора в 1809 г. во время войны с Австрией, и указ от 19 декабря 1810 г., разрушивший взаимную торговлю двух стран и разрешивший английским судам заходить в российские порты. Также в вину Российской империи ставилась подготовка в начале 1811 г. вторжения в герцогство Варшавское, за счет земель которого она хотела возместить убытки герцога Ольденбургского¹²⁷. На протяжении всего 1811 г., отмечал министр иностранных дел, Франция с помощью переговоров пыталась вернуть Россию к исполнению договора, но Александр I хотел возобновить торговлю с Англией, что

¹²⁴Anderson M.S. Britain's discovery of Russia. N.Y., 1958. P. 217.

¹²⁵*Moniteur*: № 186. 1812. 4 juillet.

¹²⁶Ibid.

¹²⁷В 1811 году герцогство Ольденбург было конфисковано Наполеоном, сам герцог, близкий родственник Александра I, был принят на российскую службу.

было неприемлемо для Франции¹²⁸. Аналогичные обвинения против России выдвигались и в 1-м бюллетене Великой армии, опубликованном в *Moniteur* 8 июля и перепечатанном на следующий день остальными парижскими газетами.

Во 2-м бюллетене Великой армии описывались попытки французов найти почву для переговоров с российским императором. «Еще 19 июня существовала небольшая надежда на взаимопонимание, когда для переговоров к Александру I был отправлен Лористон. Но под различными предложениями его миссия была быстро завершена и впервые посол не смог добиться аудиенции ни у государя, ни у его министра. После чего император отдал приказ перейти Неман»¹²⁹. Об ответной миссии российского министра Балашова к Наполеону в Вильно уже после начала боевых действий газеты предпочли умолчать.

Главным обвинением России в связи с начавшейся войной было непонимание Александром I собственных интересов. Россия по-прежнему стремится торговать с Англией, хотя, по мнению французской прессы, русским это невыгодно, ибо «только Континентальная система может спасти Европу от английского торгового рабства»¹³⁰. Еще накануне войны стали появляться сообщения о больших караванах судов, которые проходили через Зунд в Балтику¹³¹. Такие сообщения должны были наводить читателей на мысль, что Россия фактически уже отказалась от выполнения условий Континентальной блокады. В дальнейшем, уже в ходе войны, газеты неоднократно публиковали сообщения из Дании о торговых судах, проходящих мимо ее берегов из России в Англию и обратно.

Еще одним признаком «непонимания» Российской империей собственных интересов и проявлением угрозы с ее стороны по отношению к империи Наполеона изображалось то, что российские войска на протяжении 1811 и начала 1812 гг. группировались на границе герцогства Варшавского, вместо того, чтобы завершить победоносно войну с Османской империей¹³² и присоединить к России Молдавию и Валахию.

¹²⁸ *Moniteur*. № 186. 1812. 4 juillet.

¹²⁹ *Moniteur*. № 191. 1812. 9 juillet

¹³⁰ *Moniteur*. № 255. 1812. 11 septembre.

¹³¹ *Moniteur*. №№ 159, 171, 173, 174. 1812. 7 juin, 19 juin, 21–22 juin.

¹³² Надо отметить, что французская пресса так и не написала о заключении мира между Россией и Османской империей. По заведенной традиции пресса не сообщала о плохих известиях, и только косвенно, из сообщений, приходивших из Порты, можно было понять, что это государство уже не воюет с Российской империей.

В 1-м бюллетене Великой армии, в котором Наполеон высказал все обвинения в адрес России, прямо утверждалось: перевод дивизий «от Дуная в Польшу» означал, что Российская империя «пожертвовала Молдавией и Валахией»¹³³.

В *Moniteur* появились и пропагандистские статьи, призванные продемонстрировать читателям превосходство французов над русскими. 7 августа в газете была опубликована российская прокламация, обращенная к французским солдатам и обнаруженная, как пишет *Moniteur*, аванпостами на Двине 17 июля¹³⁴. В этой листовке вина за начало войны возлагалась целиком на Наполеона, «государя с ненасытными амбициями и совершенно не желающего мира и не жалеющего крови своих храбрецов». В тексте солдатам напоминали о большом расстоянии до Франции и несколько раз призывали возвращаться домой. В конце им предлагалось просить убежища в России, где их «никто не будет заставлять идти на войну» и они «забудут о сражениях и всей той армейской тирании, которая не дает вырваться из-под гнета»¹³⁵. Таким образом, французский император фактически обвинялся в тирании по отношению к собственным подданным. Следом за этой прокламацией в той же рубрике был опубликован ответ «французских гренадеров» на эту листовку, обращенный к российским солдатам, авторство которого традиционно приписывается Наполеону¹³⁶. Ответ составлен вполне в духе сложившихся в предыдущие эпохи стереотипов. Наибольшее место в заметке отведено характеристике военного положения Российской империи. «Французские гренадеры» констатировали невысокие боевые качества русской армии: «Сегодня мы видим то, что видели всегда: вы бежите перед нами. Вы бежали еще в Швейцарии, вы бежали после Аустерлица, будучи счастливы тем, что вам дали вернуться на родину, вы бежали после Фридланда, и вы до сих пор бежите! Мы этого ждали, и нас это не удивляет»¹³⁷. Кроме того, в статье отмечалось низкое качество командования в русской армии, и в завершение российских солдат прямо обвиняли в трусости: «Только трусы могут предлагать дезертирство»¹³⁸.

¹³³ *Moniteur*. № 190. 1812. 8 juillet.

¹³⁴ *Moniteur*. № 220. 1812. 7 août.

¹³⁵ *Ibid.*

¹³⁶ *Chuquet A.* 1812. *La Guerre de Russie. Notes et documents.* P., 1912. Т. 1. P. 35.

¹³⁷ *Moniteur*. № 220. 1812. 7 août.

¹³⁸ *Ibid.*

На протяжении войны пресса продолжала кампанию по дискредитации русской армии в глазах европейского общественного мнения, стараясь показать, что Россия не представляет собой военной угрозы. Газеты подчеркивали, что русские войска находятся в беспорядке и плохо управляются. Так, в конце августа *Moniteur* сообщал со ссылкой на прусские газеты, что Кутузов отказался принять командование над корпусом Витгенштейна, видя беспорядок, в котором находятся войска¹³⁹. Подобное сообщение преследовало сразу две цели: показать, что один из самых известных в Европе русских военачальников не принимает участия в войне, а также подтвердить плохое состояние русской армии, что должно поддержать надежду на скорое ее поражение.

Потери русской армии, согласно французским газетам, после каждого боя заметно превышали потери Великой армии. Так, после взятия Смоленска сообщалось, что один убитый француз приходился на 7–8 погибших русских¹⁴⁰. В Бородинском сражении, по версии 18-го бюллетеня, французы потеряли 2500 убитых, а русские – 12 000–13 000 убитыми и еще 5000 пленными¹⁴¹. Общую численность потерь российской армии в битве 7 сентября французская пропаганда оценивала в 50 000 человек¹⁴². Впрочем, подобные преувеличения были широко распространены среди военных всех стран, и российское командование в этом отношении не отставало от французского¹⁴³.

После того как французы начали отступать, *Moniteur* продолжал попытки дискредитировать русскую армию. Теперь газете необходимо было убедить читателей, что положение русской армии намного хуже французской и война по-прежнему идет в соответствии с планами императора Наполеона. Так, при описании Малоярославецкого сражения газета, как всегда, писала о больших потерях в русской армии, но специально указывала, что «среди убитых русских солдат много рекрутов, которые не прослужили и два месяца»¹⁴⁴. Все же передвижения Великой армии во второй период кампании назывались не иначе как «переходом на зимние квартиры», слово «отступление» не упоминалось.

¹³⁹ *Moniteur*. № 241. 1812. 28 août.

¹⁴⁰ *Ibid.* № 248. 1812. 4 septembre.

¹⁴¹ *Ibid.* № 271. 1812. 27 septembre.

¹⁴² *Ibid.* № 271, 277. 1812. 27 septembre, 3 octobre.

¹⁴³ См. например, донесения Кутузова Александру I о том же Бородинском сражении и операции на Березине. – *Кутузов М.И.* Документы. Т. 4. Ч. 1–2. Т. 5. М., 1955–1956.

¹⁴⁴ *Moniteur*. № 322. 1812. 17 novembre.

После катастрофической кампании в России в 1812 г. французская пропаганда впервые за время правления Наполеона столкнулась с необходимостью объяснять поражение. В этом отношении очень удачным оказалось то, что Наполеон, по сути, первым признал катастрофический итог войны, когда в Европе и тем более во Франции еще не знали всех подробностей кампании в России. Поэтому версия Наполеона о том, что в поражении виноват ужасный российский климат, была в целом принята обществом. Такое объяснение событий 1812 г. упрощало французам подготовку к новой кампании 1813 г., поскольку на сей раз боевые действия начинались в странах с более умеренным климатом, а главное – в начале довольно продолжительного теплого сезона. Поэтому французам было важно показать, что поражение в России незначительно сказалось на боевых качествах Великой армии. Например, описывая бои под Баутценом, *Moniteur* несколько раз подчеркнул, что новая французская кавалерия показала себя в боях очень хорошо и при равной численности всегда превосходила кавалерию противника¹⁴⁵. В действительности после катастрофического похода 1812 г., французская кавалерия с трудом восстанавливалась и к середине 1813 г. заметно уступала по численности кавалерии союзников, что, собственно, и не позволило Наполеону организовать полноценное преследование армии Барклая после победы под Баутценом.

Продолжая традиционную для наполеоновской эпохи тактику пропаганды, газеты убеждали европейских читателей в том, что французские войска одерживают победы во всех без исключения столкновениях. Чтобы показать, что войска противника не так уж многочисленны, *Moniteur* заявил, что ландвер и ландштурм существуют только на страницах газет, по крайней мере в этой местности (окрестности Баутцена) его нет. Кроме того, местное население не поддается на предложения русских сжигать свои дома и разрушать свою страну¹⁴⁶. Таким образом, *Moniteur* объяснял читателям, что применять скифскую тактику, как в России, у противника не получается.

Последняя попытка воспользоваться силой печатного слова была предпринята императором французов во второй половине 1813 – январе-феврале 1814 г. До того как войска антифранцузской коалиции подошли к старым границам Франции, газеты опубликовали множество

¹⁴⁵ *Moniteur*. № 150. 1813. 30 mai.

¹⁴⁶ *Moniteur*. № 153. 1813. 2 juin.

воззваний, подписанных администрацией французских городов, с призывом защитить славные завоевания последних 20 лет, все то, что было сделано путем героических усилий. И для этого жители, по уверениям местных властей, готовы пожертвовать жизнями своих сыновей, а также деньгами, если это потребуется¹⁴⁷. Некоторые из этих писем сопровождалась уверениями, что уже собрана некоторая сумма денег. Так, небольшой городок Провен под Парижем собрал 6000 франков¹⁴⁸. Интересно отметить, что до этого времени газеты нечасто упоминали о победах французских революционных армий, за исключением, может быть, Итальянского похода 1796–1797 гг.

На рубеже 1813–1814 гг. Наполеон требовал от министерства полиции публиковать в первую очередь сведения о храбрости своих воинов, о жестокости солдат союзников, цитировать письма очевидцев, чтобы вся Франция поднялась против завоевателей. Сообщения с границ империи должны были подать образцы патриотизма местного населения, достоинств французского воинства и варварской жестокости войск союзников, тем самым возрождая традиционные стереотипы описания, в первую очередь русских войск. Например, в декабре 1813 г. из Кольмара сообщали: «В нашем краю принимают французских солдат, словно родных братьев, и стараются удовлетворить все их потребности. Повсюду их продвижение отмечено прекрасной дисциплиной. Но того же нельзя сказать о наших врагах. К несчастью, подтверждаются сведения о том, что эти армии очень плохо снабжаются и в нескольких местечках они уже совершили ряд ужасных вещей. Несчастливая коммуна Сент-Круа (в 2 лье отсюда) в полной мере испытала на себе их звериную ярость. Баварцы здесь отличились жестокостями, они вместе с казаками грабили дома, унося все, что могли унести, истязали мужчин, насилывали женщин и т.д.»¹⁴⁹

Между тем союзники предпринимали откровенные «идеологические диверсии». Так, в начале января 1814 г. *Journal de Paris* сообщал, что декларация союзных монархов от 1 декабря, адресованная французскому народу, напечатана в *Gazette de Francfort* 6 числа того же месяца, была специально разбросана в большом количестве прямо на французских рубежах, к тому же многие французские читатели

¹⁴⁷ См., например, показательное письмо от муниципального совета Монса императрице Марии-Луизе от 18.10.1813 г. *Moniteur*. № 295. 22 octobre 1813.

¹⁴⁸ *Moniteur* № 292. 19 octobre 1813.

¹⁴⁹ *Journal de Paris*. № 2. 1814. 02 janvier.

неожиданно получили тот же самый выпуск газеты по почте от неизвестных лиц¹⁵⁰. Демагогический комментарий к этой декларации показывал всю степень обеспокоенности, которую испытывали в Париже в связи со вступлением неприятеля в «естественные границы» Франции. Традиционные клише об агрессивных планах России возродились и тиражировались с новой силой. Александр I прямо обвинялся в нарушении международных договоров, предательстве интересов своей империи и даже всего человечества. Газета напоминала, что прежде чем верить обещаниям союзников, надо вспомнить о невероятном росте Российской империи, отправившей против Франции свои «несметные азиатские орды», всего лишь за век подавившей Швецию, разделившей Польшу, поглотившей Крым, угрожающей Кавказу, устанавливающей свои порядки в Саксонии и Пруссии и страстно желающей заполучить «древний трон Константина»¹⁵¹.

Другим свидетельством «лживости и вероломства» российского царя служили якобы перехваченные во время пленения французскими войсками адъютанта генерала Блюхера частные письма из Петербурга к русским генералам Васильчикову и Строганову, которые публиковались в газете целиком с комментарием о том, что единственной настоящей целью похода России с союзниками против Франции является не достижение всеобщего мира, а захват французских земель: «Вместо мира они несут с собой грабеж, насилие над собственниками, и эти миротворцы ведут себя как настоящие разбойники. Сейчас крик об отмщении раздастся из всех концов империи. Миллионы храбрецов уже поднялись!»¹⁵²

Пресса зимой и ранней весной 1814 года была переполнена сообщениями о зверствах, чинимых союзными войсками местному населению. Но добрая часть этих сообщений была заметно приукрашена журналистами. К примеру, описывался случай, произошедший где-то «между Люром и Везулем», который призван был воодушевить французов на борьбу с оккупантами. На один из сельских домов с целью грабежа напал казачий разъезд из десяти человек. Перед входом в дом они оставили лошадей и свои длинные пики. Увидев это, двое крестьян, ранее служивших в драгунских частях, не растерялись: они поломали почти

¹⁵⁰ *Journal de Paris*. № 5. 1814. 05 janvier.

¹⁵¹ *Ibid.*

¹⁵² *Journal de Paris*. № 34. 1814. 05 fevrier.

все копыя, пока казаки были заняты поиском добычи. Казаков охватила паника, и двое крестьян хладнокровно расправились с десятью грабителями при помощи всего двух казачьих пик. Как замечал *Journal de Paris*, крестьяне-драгуны были «неожиданно» вознаграждены: «Они обнаружили при казаках много денег, награбленных по пути от Базеля до Бефора»¹⁵³.

Другой случай подобного рода якобы произошел в Эльзасе. Один казак подъехал к дому в пригороде Сульгца и попросил фуража для лошади. Юная крестьянка отправилась в сенной сарай, но казак следовал за ней по пятам: «Казак бросился за ней, но наша новая Жанна д'Арк, не удивившись, с силой оттолкнула его рукой к углублению так, что он не имел времени прийти в себя, и сбросила его в конюшню. Тогда она позвала отца и братьев, взволнованных ее криками. Отец и дети, исполненные яростью, зарезали казака прямо в лошадиных яслях, где нашли его. И что самое любопытное в этом рассказе, отважный отец семейства отправился к мэру деревни с заявлением и повинной, так как боялся, по его словам, попасть под суд, поскольку убил казака не из огнестрельного оружия, а с помощью ножа»¹⁵⁴.

Такие известия из департаментов были особенно важны, когда парижская пропаганда вовсе не гарантировала подъем воинственного патриотизма среди французов, подчеркивалось, что таковы «примеры поступков, которым должны подражать все французы, если где-нибудь появятся эти варвары»¹⁵⁵.

Дополнительным фактором, призванным военной пропагандой на помощь, служили, как и прежде, переводы из английских газет и книг, которые должны были служить подтверждением некоей информационной объективности парижских изданий. Именно с этой целью *Journal de Paris* публиковала обширные выдержки из книги английского путешественника Грина, посвященные российской повседневности и особенно кровавым и шокирующим способам казни и пыток, принятым в России: битье кнутом, клеймение раскаленным железом и вырывание ноздрей¹⁵⁶.

Тем не менее военная кампания 1814 года оказалась скоротечной, и потому французская пропаганда не успела сыграть свою роль в мобилизации населения. Кроме того, к тому моменту в обществе уже на-

¹⁵³ *Journal de Paris*. № 8. 1814. 08 janvier.

¹⁵⁴ *Ibid.*

¹⁵⁵ *Ibid.*

¹⁵⁶ *Journal de Paris*. № 27. 1814. 27 janvier.

блюдалась усталость от постоянных войн, и потому всё, чего удалось добиться пропаганде, – это напугать население Франции, но не поднять его на защиту отечества. В период же оккупации союзными войсками части территории Франции местные власти даже вынуждены были опровергать распространенные в обществе представления о жестокости русских войск¹⁵⁷.

* * *

Таким образом, концепция «русской угрозы», зародившаяся во французском общественном сознании в XVIII в., то оживала на страницах франкоязычной прессы в моменты напряженных отношений между двумя государствами, то исчезала – во время сближений и союзов (1800–1804 гг., 1807–1811 гг.). Со времен победных для Франции кампаний II года пресса приобрела особое значение в политических и дипломатических маневрах. Пытаясь посредством газет управлять общественным мнением, власти определяли новые контуры политической идентичности французской нации.

В основе представления о «русской угрозе» на рубеже XVIII–XIX вв. лежали как существовавшие в литературе и философии традиционные стереотипы о России, так и образы, разрабатывавшиеся политической публицистикой. Сочинения Малле дю Пана, Лезюра, Парандье в годы Революции и Империи доказывали существование у русских императоров давних завоевательных планов, и эти утверждения тиражировались в прессе. Популярности этих постулатов способствовало и участие России во всех трех разделах Речи Посполитой, поскольку через восприятие польских событий европейские наблюдатели оценивали подлинную внешнеполитическую стратегию русского двора.

В период дружбы Наполеона и Александра о России старались писать максимально нейтрально, но в кризисные моменты ее образ приобретал множество негативных черт и на страницах прессы непременно оживали архетипичные стереотипы о России и «русской угрозе». При этом наблюдается разница в интенсивности использования традиционных устрашающих стереотипов относительно России и разница в расстановке

¹⁵⁷Губина М.В. Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2002. Вып. 2. С. 153–162.

акцентов в зависимости от того, где в данный момент протекают военные действия. Во время кампаний, не угрожавших границам французского государства, пропаганда подчеркивала невысокую квалификацию русских солдат в бою и их сосредоточенность на грабежах и насилии по отношению к местному населению. Но в моменты, когда надо было сплотить нацию против общего врага и стимулировать патриотический подъем среди французов, как в 1798–1799 и 1813–1814 гг., на страницы периодических изданий выплескивались все негативные стереотипы относительно реальной и потенциальной угрозы со стороны империи царей. Правда эффект от этой пропаганды оказался не столь значительным и в момент вторжения войск коалиции в пределы естественных границ Франции в 1814 г. выступления жителей против захватчиков происходили в основном на страницах газет, тогда как в реальности уставшее от постоянных войн население не развернуло масштабной народной войны против войск Англии, Австрии, Пруссии и России.

Список литературы

- Бантыш-Каменский Д.М.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. Т. 1. С. 197. [*Bantysh-Kamenskii D.M. Biografii rossiiskih generalissimusov i general-feldmarshalov. M., 1991*].
- Бачко Б.* Как выйти из Террора? М., 2006. [*Bachko B. Kak viity iz terroga? M, 2006*].
- Безотосный В.М.* Наполеоновские планы Павла Петровича: несостоявшийся геополитический проект века // Родина. 2008. № 7. С. 45–51. [*Bezotosnyj V.M. Napoleonovskie plany Pavla Petrovicha: nesostojavshijsja geopoliticheskij projekt veka // Rodina. 2008. № 7. S. 45–51*].
- Борисовский Б.* Водевиль с подлогом // История. Научно-популярные очерки. М., 1985. [*Borisovskij B. Vodevil' s podlogom // Istorija. Nauchno-populjarnye ocherki. M., 1985*].
- Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании Европы эпохи Просвещения. М., 2003. [*Wolf L. Izobretaya Vostochnuju Evropu. M, 2003*].
- Губина М.В.* Особенности образа России и русских в сознании французских современников в 1814–1818 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2002. Вып. 2. С. 153–162. [*Gubina M.V. Osobennosti obraza Rossii i russkih v soznanii francuzskih sovremennikov v 1814–1818 gg. // Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovosprijatija. M., 2002. Vyp. 2. S. 153–162*].

- Данилова Е. Н. «Завещание» Петра Великого // Труды Историко-архивного института. 1946. Т. 2. С. 203–270. [Danilova E. N. «Zaveshanie» Petra Velikogo // Trudy Istoriko-arhivnogo instituta. 1946. T. 2. S. 203–270].
- Козлов В. П. Тайны фальсификации. М., 1994. [Kozlov V. P. Tajny fal'sifikacii. M., 1994].
- Кутузов М.И. Документы. М., 1955–1956. Т. 4. [Kutuzov M.I. Dokumenty. M., 1955–1956. T. 4.].
- Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. [Mezin S.A. Vzgljad iz Evropy: francuzskie avtory XVIII veka o Petre I. Saratov, 2003].
- Мезин С.А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 150–155 [Mezin S.A. Stereotipy Rossii v evropejskoj obshhestvennoj mysli XVIII veka // Voprosy istorii. 2002. № 10. S. 150–155].
- Ноймани И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. [Nojmann I. Ispol'zovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej. M., 2004].
- Прусская Е. А. Образ России в прессе Восточной армии Бонапарта // НиНИ. № 4. 2012. С. 176–182. [Prusskaja E. A. Obraz Rossii v presse Vostochnoj armii Bonaparta // Novaja i novejschaja istorija. № 4. 2012. S. 176–182].
- Павленко Н.И. Три так называемых завещания Петра I // ВИ. 1979. № 2. С. 142–143. [Pavlenko N.I. Tri tak nazyvaemyh zaveshhanija Petra I // Voprosy istorii. 1979. № 2. S. 142–143].
- Робеспьер М. Избранные произведения. М., 1965. [Robespierre M. Izbrannye proizvedenija. M., 1965.]
- Сироткин В. Г. Наполеоновская война перьев против России // НиНИ. 1981. № 1. [Sirotkin V.G. Napoleonovskaja vojna per'ev protiv Rossii // Novaja i novejschaja istorija. 1981. № 1.]
- Соломеин А.Ю. История таможенного дела и таможенной политики России: Учебн. пособие. СПб., 2011 [Solomein A.Ju. Istorija tamozhennogo dela i tamozhennoj politiki Rossii: Uchebn. posobie. SPb., 2011]
- Сорель А. Французская революция и Европа. СПб., 1892–1906. [Sorel A. Francuzskaja revoljucija i Evropa. SPb., 1892–1906].
- Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995.

- [*Cherkasov P.P.* Dvuglavjy orel i korolevskie lilii. Stanovlenie rusko-francuzskih otnoshenij v XVIII veke. 1700–1775. M., 1995].
- Черкасов П.П.* Франция и Русско-турецкая война 1768–1774 гг. // НиНИ. 1996. № 1. [*Cherkasov P.P.* Francija i rusko-tureckaja vojna 1768–1774 gg. // NiNI. 1996. № 1.]
- Черкасов П.П.* Екатерина II и Людовик XVI. M., 2004. [*Cherkasov P.P.* Ekaterina II i Ljudovik XVI. M., 2004].
- Яковлев Н.* О так называемом «завещании» Петра Великого // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 128–133. [*Jakovlev N.* O tak nazyvaemom «zaveshhanii» Petra Velikogo // Istoricheskij zhurnal. 1941. № 12. С. 128–133].
- Anderson M. S.* Britain's Discovery of Russia, 1553–1815. L., 1958;
- Baker K.M.* Au tribunal de l'opinion. Essai sur l'imaginaire politique au XVIIIe siècle. P., 1993.
- Belissa M.* La Russie mise en Lumières. Représentations et débats autour de la Russie dans la France du XVIIIe siècle. P., 2010.
- Blanc S.* Histoire d'une fobie: le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. 1968. Vol. 9. № 3–4.
- Boberg S.* Kunglig krigspropaganda. Goteborg, 1967.
- [*Chantreau P.-N.*] Voyage philosophique, politique et littéraire, fait en Russie pendant les années 1788 et 1789. P., 1794.
- Chuquet A.* 1812. La Guerre de Russie. Notes et documents. P., 1912. T.1.
- Corbet Ch.* L'ère de nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe. P., 1967.
- Correspondance de Napoléon. P., 1861. T. 6.
- Correspondance générale de Napoléon. T. 4. Ruptures et fondation. 1803–1804. P., 2007.
- Correspondance générale de Napoléon. T. 5. Boulogne, Trafalgar, Austerlitz. 1805. P., 2008.
- Correspondance général de Napoléon. Vol. 7. 1807. Tilsit, l'apogée de l'Empire. P., 2010.
- Correspondance général de Napoléon. Vol. 8. Wagram. P., 2013.
- Eshasseriaux (ainé).* Tableau politique de l'Europe au commencement du XIXe siècle et moyens d'assurer la durée de la pays générale. P., an X (1802).
- Epître du vieux cosmopolite Syrach à la Convention Nationale de France contenant l'examen du discours prononcé à la séance du 2 pluviöse de l'an III par citoyen Boissy d'Anglas. En Sarmatie, 1795.
- Fajn M.* Le «Journal des hommes libres de tous les pays» // AHRF. 1975. № 220. P. 273–288.

- [*Fornerod*] Coup d'œil sur l'état actuel de la Russie envisagée sous ses rapports physique, moral, économique, politique et militaire ou les Russes tels qu'ils sont. Par un ami de la Vérité. Lausanne, 1799.
- Fortia de Piles A.* Examen de trois ouvrages sur la Russie. Voyage de M. Chantreau. Révolution de 1762. Mémoires secrets. Par l'auteur du voyage de deux français au Nord de l'Europe. P., 1802
- Jourdan E.* Le Testament apocryphe de Pierre le Grand, Universalité d'un texte (1794–1836) // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. № 18. Printemps 2004.
- Garran-Coulon J.-Ph.* Recherches politiques sur l'état ancien et moderne de la Pologne appliquées à sa dernière révolution. P., 1795.
- Hauterive, A.-M. B. d'.* De l'Etat de la France, à la fin de l'an VIII. P., an IX.
- Lesur Ch.L.* Des progres de la puissance Russe, depuis son origine jusqu'au commencement du XIX siècle. P., 1812.
- Lortholary A.* Les «Philosophes» du XVIIIe siècle et la Russie: Le mirage russe en France au XVIIIe siècle. P., 1951.
- Malia M.* Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, 1999.
- Maréchal P.-S.* Histoire de la Russie, réduite aux seuls faits importants. L., P., 1802.
- Masson Ch.* Mémoires secrets sur la Russie. T. 1–4. P., 1800–1803.
- La Messeliere.* Voyage a Petersbourg ou nouveaux mémoires sur la Russie. P., 1803.
- Mohrenschildt D.S. von.* Russia in the intellectual life of eighteenth-century France. N.Y., 1936.
- McNally R.* The Origins of Russophobia in France 1812–1830 // American Slavic East and European Review. 1958. 17, April. P. 173–189.
- Sokolnicki M.* Le Testament de Pierre le Grand (Origines d'un prétendu document historique) // Revue de sciences politiques. 1912. T. 27. № 1. P. 88–98.